

ДМИТРИЙ АЛЕШИН

АЗИАТСКАЯ ● ДИССЕЯ

Дмитрий Алешин
Азиатская одиссея

Книжный магазин "Циолковский "
1940

УДК 94(47+57)"19"(093.3)
ББК 63.3.(2)61ю14

Алешин Д. Г.

Азиатская одиссея / Д. Г. Алешин — Книжный магазин
"Циолковский ", 1940

ISBN 978-5-9908592-5-8

Роман-воспоминания Дмитрия Алешина рассказывает о его скитаниях в годы Гражданской войны по Сибири и Монголии. Издававшаяся всего один раз в 1940 году в США книга является библиографической редкостью и практически не известна российскому читателю, кроме небольшого числа исследователей, занимающихся историей монгольской эпопеи барона Унгерна. Для широкого круга читателей.

УДК 94(47+57)"19"(093.3)
ББК 63.3.(2)61ю14

ISBN 978-5-9908592-5-8

© Алешин Д. Г., 1940
© Книжный магазин "Циолковский
", 1940

Содержание

Часть I	6
Часть II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Алешин **Азиатская одиссея**

Dmitri Alioshin
ASIAN ODISSEY
NEW YORK
HENRY HOLT AND COMPANY
1940
© ООО «Книгократия»
© Александр Дементьев

У этой книги удивительная судьба. В середине прошлого века она была издана в Нью-Йорке на английском языке и только сейчас впервые выходит по-русски, хотя ее автор – русский офицер, невольный участник монгольской эпопеи барона Унгерна. «Азиатская одиссея» Дмитрия Алешина написана в редком для нашей литературы жанре автобиографического романа. Здесь реальные события часто преобразованы авторской фантазией, но приключения героев в годы Гражданской войны в России неотделимы от хода большой истории.

Леонид Юзефович

Часть I

Бегство в Маньчжурию

1

На рассвете я отправился в путь через Байкал: одинокий всадник среди ледяных просторов озера длиною в четыре тысячи миль и шириною в тридцать три. Я чувствовал себя героем романа Жюль Верна, затерянным в холодной пустыне Луны. Во всей огромной белой пустоте, окружавшей меня, не было ничего живого. Горы, охранявшие далекий берег, таяли в дымке горизонта, и, чем глубже забирался я в сердце этой пугающей тишины, тем дальше и недоступнее они казались.

Я вспоминал детство: однажды мне уже пришлось проделать этот путь с отцом, в больших санях, закутанным в меха. Тогда дикие сибирские лошади, вedomые упряжкой лаек, проделали этот путь за один день; если удача будет сопутствовать мне, то не больше времени уйдет на дорогу и сейчас.

Тогда, как и сейчас, я направлялся в Харбин, в Маньчжурию. Но насколько разными были обстоятельства моей жизни! Мир, где прошли мои детство и юность, исчез; исчезли покой и безопасность студенческих лет. Даже три долгих года войны, когда я, будучи немногим старше двадцати, служил офицером в русской императорской армии, все более отдалялись. Престол Государей Всея Руси, казавшийся мне всегда таким неизблемым, был сметен вихрем революции, и, как многие люди моего сословия, я бежал от народного гнева. И сейчас, как и тогда в детстве, я направлялся в отцовский дом в Харбине – но как беглец, одинокий и отчаявшийся, с горечью и унынием в сердце и страхом смерти в душе.

Солнце уже было прямо над головой, когда я остановился, чтобы отдохнуть и пообедать. Из дров, собранных у озера перед тем, как отправиться в путь, я развел огонь, и мы поели: всадник и лошадь, окруженные бездонной тишиной мертвого мира. Семен, рыжеволосый детина, мой ординарец, снабдил меня большим мешком мороженных сибирских пельменей, вяленным мясом, черствым солдатским хлебом, чаем, сахаром и солью. С собой у меня было ружье и в достатке патронов, так что в дальнейшем я рассчитывал добывать себе пищу охотой.

Я скакал до конца дня, и уже начал отчаиваться, думая, что никогда не достигну конца этой огромной снежно-ледяной равнины. Но на закате горы впереди стали неожиданно приближаться. Окрашенная в ярко-голубые и желтые, красные и фиолетовые тона, их красота согрела меня новой надеждой, и я прищепил свою усталую лошадь. Как будто почувствовав, что мы должны достигнуть берега до темноты, она ускорила бег. Наконец, когда солнце уже почти село, мы добрались до берега и нашли место для лагеря, где слой снега был достаточно тонким, чтобы собрать охапку травы.

Пока лошадь, привязанная длинной веревкой, паслась, я развел огонь. Позже я перенес костёр в сторону и расстелил одеяла на согретом пятачке земли, загородившись от ветра барьером из хвороста. Наконец, переместившись в место, где было достаточно веток, чтобы поддерживать огонь, не вылезая из постели, я забрался внутрь. Лошадь ходила кругами вокруг меня и после того, как огонь угас, подошла ближе и заснула рядом со мной.

Как долго мы скитались, я и моя выносливая сибирская лошадка, совершенно стерлось из моей памяти. Быть может, неделю, десять дней или две недели. Время потеряло всякое значение, впереди и позади меня была только пустота. Тишину нарушал лишь стук лошади-

ных копыт. Несмотря на самую строгую экономию, мои запасы подошли к концу, и вопрос, где добыть еды, встал со всей остротой.

В отчаянии я всматривался в землю в поисках следов. Но всё живое надежно спряталось в пещерах, логовах, норах и берлогах. Зима царила в сопках и лесах. Она сковала ручьи и оголила деревья, накрыв листву замерзшим белым ковром. Птицы давно улетели на юг, а олени ушли на открытые пастбища. Медведи впали в спячку, а белки прятались в дуплах, ожидая первых признаков весны.

Мучимый голодом, я ехал по узкой долине. Прошло уже несколько дней с тех пор, как я ел в последний раз, и от отчаяния я начал жевать снег. Держа палец на курке, я был готов подстрелить всё, что движется. Наконец... на одном из склонов показалась серая тень. Замерев на мгновение, она устремилась в сторону леса. Я выстрелил ей вслед. Тень подпрыгнула, упала на землю и покатила вниз с холма. С воплем, как дикий зверь, я кинулся к своей жертве. Это оказался тощий, оголодавший волк.

Сцену, последовавшую за этим, я предпочел бы не вспоминать. Но я съел это несчастное животное, забрав остатки с собой на будущее. Не могу сказать, каким было мясо на вкус, помню только, что бедная лошадь фыркала от отвращения, наблюдая, как я ем.

Дни бессмысленно и бесконечно сменяли друг друга. Однажды ночью, около трёх часов, я проснулся от сильного холода. Луна, круглая, как яйцо, висела низко над горизонтом и светила лениво, как будто ища место для сна. Серебряное сияние окружало её венцом, а лес в долине стоял тихо, как отряд вооруженных рыцарей с копьями, устремленными в небо. Могильная тишина сдавила меня, и в голову пришли мысли о смерти. Это конец, подумал я. Какой смысл бороться дальше? Лучше лечь здесь и уснуть навсегда.

Внезапно я понял, что если не начну двигаться, то замёрзну насмерть, что это почти блаженное чувство равнодушия к жизни, вызванное истощением, опасно. Я встал, взял лошадь под уздцы и тронулся в путь. Остаток ночи мы провели в пути, двигаясь в никуда: к этому времени я уже потерял всякую надежду достигнуть цели.

Вдруг, на рассвете, я услышал в отдалении собачий лай. Я стал напряженно вслушиваться... Да, действительно, лаяла собака. Никогда, ни до, ни после в моей жизни ни один звук не вызывал у меня такого волнения. Подняв глаза к небу, я упал на колени и стал тихо молиться. По лицу моему текли слезы.

Никогда я бы не смог обнаружить эту хижину, если бы не залаяла собака. К скрытому за кустами в узком овраге меж двумя холмами дому не вело ни тропинки, ни следов; всё скрывал свежее выпавший снег. Подойдя ближе, я, кажется, увидел человека, разгребавшего сугроб лопатой; но за большими наносами ничего нельзя было разглядеть толком.

Затем послышался голос: «Тихо! Чего расшумелась?» Выше на холме, у ограды стоял старик, ладонью закрывая глаза от солнца. Я окликнул его и со вздохом облегчения стал подниматься вверх. Старик внимательно смотрел на меня. Когда я приблизился, он положил руку мне на плечо.

– Устал, сынок? Проходи в моё скромное жилище. Добро пожаловать.

Через узкие сени мы прошли в маленькую комнатку: правый угол ее, по обычаю, был завешен иконами, перед которыми горели бесчисленные лампадки. На стенах, образуя причудливые обои, висели яркие картинки без рамок. На окнах стояли горшки с цветами. Четыре или пять кошек лежали в разных позах, не обратив никакого внимания на моё появление. Сладкий запах елей и ладана создавал в комнате ощущение уюта и покоя.

– Садись, сынок, – сказал старик, указывая на широкую скамью у печи. Снимай одежду... всю... умойся и полезай на печь. Ты сейчас ни на что не годен, тебе нужно поспать. Не волнуйся, я позабочусь о лошади.

Раздевшись, я завернулся в одеяло и залез на теплую печь. Не могу описать, как я в этот момент был счастлив. Старик достал кувшин молока, банку меда и буханку хлеба. Всё это я жадно съел, и провалился в глубокий сон.

Я проспал остаток дня и всю ночь и наутро проснулся новым человеком. Поначалу я не мог понять, где нахожусь. В доме было очень чисто и тихо, и лишь откуда-то доносилось было довольное мурлыканье кошек. Приподнявшись на локте, я осмотрелся вокруг.

Длинные золотые полосы солнечных лучей на полу говорили о том, что сейчас еще раннее утро. На столе уже стоял аппетитный с виду завтрак. Теплая комната была наполнена тем особенным блеском, какой возникает только от отраженного снегом солнечного света.

Погруженный в этот поток света, я различил белую фигуру старика: стоя на коленях перед иконами, он тихо совершал утреннюю молитву. Белая рубаша покрывала его старческое тело. Волосы и длинная борода были такими же непорочно белыми, как снег за окном.

Я тихо наблюдал, как старик снова и снова бьёт земные поклоны. Он не был простым крестьянином или охотником. Скорее, он был похож на святого отшельника, покинувшего мир ради спасения души.

Наконец старик закончил молиться и задул все свечки, оставив лишь одну у большой иконы Христа, древней, с выцветшими и потемневшими красками. Затем он, бормоча что-то себе в бороду, налил молока кошкам: те, громко мяукая, окружили его плотным кольцом и терлись спинами о его ноги.

– Сейчас... вот вам молока... ешьте с миром.

– Отец, – позвал я, – можно и мне тоже?

– Доброе утро, сынок. Садись за стол. Всё готово.

Лицо моего хозяина излучало доброту. Я сполз с печки и стал одеваться.

– Не в это, – остановил меня старик. – Вот, надень мои старые штаны. Потом выстираем всё, и ты наденешь свою одежду.

Какое же это было наслаждение – брызгать холодной водой себе в лицо и чувствовать, как она стекает по шее и ушам! В горах я умывался снегом, затем сушился у костра, но это не шло ни в какое сравнение с полным тазом воды в теплой комнате и полотенцем. Покончив с умыванием, мы сели за стол и позавтракали чаем и хлебом с маслом. Старик ни о чем не спрашивал, но смотрел на меня задумчиво и доброжелательно. Мало по малу я поведал ему свою историю.

– Женщина... женщина... у истока всех бед всегда стоит женщина, – сказал мой хозяин; пока я рассказывал, он, как видно, думал о чем-то своем. Испокон веку так было. Все они, как их праматерь Ева, в конце концов толкают нас к гибели. Я тоже здесь оказался из-за женщины.

Старик покачал головой и вздохнул, погрузившись глубоко в свои мысли. После паузы он продолжил:

– Моя фамилия Рубин... Её звали Настя... Настя... Я до сих пор люблю её, хотя прожил уже девяносто шесть лет. Она покинула меня два года назад – лежит там, в саду. Она была рождена, чтобы стать царицей, и не желала знать недостатка ни в чём. Я взял ее в жены, когда был купцом в Саратове, и по Волге плавали десятки моих судов. Я ни в чем не нуждался и был счастлив... А затем появилась Настя. Она хотела жить по-царски, так что через несколько лет я оказался на грани разорения. Господи прости! – я стал подделывать векселя, меня поймали и сослали на двадцать лет в Сибирь, на каторгу. Настя отправилась за мной по своей воле. Поселилась в городке неподалеку, и мы виделись время от времени. По прошествии десяти лет меня выпустили за хорошее поведение и оставили до конца срока жить на поселении. Мы были очень счастливы здесь, Настя и я... бедная душа... – Тут старик прервал свой рассказ. – Ладно, нам пора за работу, – сказал он.

Я попросил посмотреть мою лошадь, и он провел меня в маленький почти полностью крытый двор. Я тщательно осмотрел ее – все было в порядке. Рубин показал мне своё хозяйство – корову, нескольких кур и убогую лошаде́нку. Он жил за счет пасеки, которую держал в липовой роще. За лето и осень он имел с продажи меда достаточно, чтобы протянуть весь оставшийся год.

– Как далеко до ближайшего города? – спросил я.

– Чита в двенадцати верстах отсюда, – ответил он.

Я знал, что Чита находится в трёхстах пятидесяти километрах от Иркутска и примерно на том же расстоянии от границы с Маньчжурией. Это была столица Забайкальского казачьего войска и атамана Семёнова.

Хотя мой друг Николай принадлежал к уссурийским казакам, всё же была вероятность, что я встречу его в Чите, так же, как и двоюродного брата Александра, сына моего дяди Фёдора. Они покинули Маньчжурию и перебрались в Забайкалье около восьми лет назад, чтобы строить мельницы и основать пароходство на Аргуни, Шилке и Селенге – реках, которые, вместе с их судоходными притоками, составляют основные пути сообщения огромной области: Маньчжурии, Монголии и Забайкалья. Кроме того, я знал, что у дяди Федора и Александра есть золотой прииск в окрестностях Читы.

Как бы то ни было, я не торопился в путь. Мне нужен был отдых, и я хотел остаться. Я надеялся, что старик не откажет мне в этом в обмен на щедрую плату.

Дни шли незаметно. Утром мы чистили снег, рубили дрова для печи, доили корову, кормили лошадей, кур и собак. Затем обед и короткий сон, снова работа по хозяйству, ужин и снова сон. Огромную часть времени моего хозяина занимали молитва и чтение Библии. Он часами стоял на коленях перед своими иконами, и я с восхищением думал о том, что за чудесное прибежище дает религия тем, в ком еще осталась вера.

Я понимал его: мои предки тоже были религиозны. Мой дед по материнской линии на семьдесят шестом году жизни ушел в монастырь. Там он надеялся прожить в мире и спокойствии остаток своих дней: к несчастью, он прожил слишком долго и не избежал ужасов революции. Мой отец также занимал почетную должность церковного старосты при одном из храмов. Однако он уже относился скептически не только к обрядам, но и к толкованиям Священного Писания.

Старик же стал для меня настоящим открытием. Тихо, неторопливо говорил он о самых разных вещах. История, география, литература – всё для него сплеталось в единую, наполненную смыслом картину, созданную его верой. Он смотрел на мир христианским взглядом, осмысляя через христианство всё, что происходило в его собственной жизни и в мире в целом. В его словах любые события становились понятными, и на самые глубокие вопросы находились простые, естественные ответы.

Однажды вечером мы тихо сидели за столом. Одна тема была исчерпана, другая еще не начата. Снаружи завывала буря, как будто крича в бессильной ярости от того, что не могла сокрушить утлую хижину, спрятанную в ущелье меж двух холмов.

– Дмитрий, – начал старик, я скоро умру, и мне беспокойно. Может, ты согласишься мне помочь? Я уже подготовил себе могилу рядом с женой в саду. Теперь мне нужен гроб. Ты, наверное, заметил большие дубовые бревна во дворе. Из них я хочу нарезать доски для добротного, тяжелого ящика. Но мне понадобится молодой сильный помощник... завтра.

Конечно, я не мог ему отказать, хотя ничто не было так чуждо моим желаниям, как работа над гробом, предвещающим его скорую смерть.

Работа заняла у нас три дня. Старик радовался как ребенок и благодарил меня снова и снова. В знак дружбы он повесил мне на шею красивый фарфоровый образок Богородицы.

Прошла еще неделя, и с сожалением я решил покинуть моего доброго друга. Он дал мне адрес своего внука, который недавно вернулся в Читу с фронта в Европе, и, пока я уда-

лялся, провожал меня взглядом, стоя в воротах. Я помахал ему рукой в последний раз перед тем как спуститься в другую долину, проехал еще сотню метров, затем повернул обратно и вернулся на вершину холма. Он все еще стоял там: одинокая фигура древнего старика, который стал мне так дорог.

– Прощай! – прокричал я и поскакал прочь.

2

Двенадцать верст до Читы показались сущим пустяком в сравнении с тем, что мне пришлось испытать ранее; но теперь я стал задумываться о том, что готовит мне будущее.

Я вспоминал, как Керенский, новый лидер революционной России, разошелся с сильнейшим из своих союзников, казачьим генералом Корниловым. Ситуация была тревожной с точки зрения персональных амбиций главы правительства, и он бросился на поиски генерала, который не был бы знаком с особенностями его колеблющейся натуры. Он понял, что больше не может полагаться на военных вождей в европейской части России; но в далекой Сибири был один человек, беспринципный, но с идеями и четким представлением, как их реализовать. Это был генерал Семенов, бывший командир 5-го корпуса¹ и атаман Забайкальского Казачьего Войска. Именно этому полукровке-монголу Керенский поручил формирование ударных частей из азиатов для защиты Временного Правительства, а по сути лично самого Керенского.

Чтобы сделать формирование своей личной гвардии более привлекательным для Семенова и его людей, Керенский дал ей громкое имя «Дикая дивизия»². Среди семеновских офицеров наиболее заметным был барон фон Унгерн-Штернберг. Будучи во Пскове во время войны, я слышал от Николая невероятные истории о безумной храбрости барона, его любви к лошадям и жестокости к собственным людям.

Двигаясь вперед, я думал о том, как хорошо удавалось этим людям поддерживать свою армию и этот «двор» в Чите, что, несомненно, свидетельствовало об их немалой изобретательности и удали. И не выйдет ли так, что мне придется спастись от этих «избавителей России» как и от большевиков?

Чита, хоть ее и называют столицей Забайкалья, представляет собой типичный городок первопроходцев. Этот город безопасно расположился под защитой Байкальских гор, начинавшихся в диком, кряжистом Саянском хребте на юге и простиравшихся на север до безлюдных просторов сибирского Приполярья. С востока Чита защищена тремя горными массивами: величественными Яблоновым и Нерчинским хребтами и знаменитым Хинганом. Долина открыта только в сторону Монголии, но даже здесь обширность степных пространств гарантирует Чите защиту от любого серьезного вторжения. Река Ингода обеспечивает забайкальским казакам естественные пути сообщения с их собратьями на Амуре и Уссури, двумя другими крупнейшими группами казачества на восточных рубежах России. Указанные обстоятельства сформировали особое мироощущение людей, населявших эти места, которое лучше всего можно выразить поговоркой: «Попробуй, дотянись».

Как офицер императорской армии, я первым делом отправился доложить о себе в комендатуру. В ответ на мой вопрос молодой адъютант сообщил мне, что у них есть офицер

¹ Командиром 5-го Приамурского корпуса Семенов был назначен приказом по Сибирской армии от 10 сентября 1918 года, много позже падения правительства Керенского.

² На самом деле, Семенов получил задание сформировать Бурят-монгольский конный полк. «Дикой дивизией» в русской армии называлась Кавказская туземная конная дивизия, сформированная в августе 1914 года.

по имени Николай Чернов, и это один из наиболее приближенных к Семенову и Унгерну людей. Он с удовольствием проводит меня на квартиру к Николаю, как только закончится дежурство.

Этот адъютант был совсем молодым человеком из тех, что еще верят в волшебную силу «протекции». Очевидно, мой старый друг Николай был влиятельным лицом в этом Богом забытом месте. Также адъютант поведал мне, что у Семенова мало артиллерии, и он с радостью примет любого офицера (имея в виду меня), который возьмет на себя задачу сформировать дивизион. Эта болтовня продолжалась еще какое-то время, затем подали лошадей, и мы отправились. Я обратил внимание, что мой попутчик мало соответствует своему высокому положению. Похоже, он дезертировал из какой-то пехотной части и решил попытаться счастья на новом поприще, таком, которое бы сулило неограниченные перспективы в скором будущем. И кто бы осудил его за это? Кроме того, он был славным, крепким парнем и имел такой наивный вид, что его трудно было воспринимать всерьез. Будь я девушкой, я назвал бы его, по русскому выражению, «вишенкой». Большинство женщин были бы без ума от него: умненький, чистенький мальчик, едва ли двадцати лет.

Николай тепло приветствовал меня; однако его окружала атмосфера неприступной значительности. Пока мы пытались поговорить в неформальной обстановке, к нему постоянно приходили военные; в конце концов он извинился, сказав, что другие дела требуют его немедленного присутствия, но он будет рад видеть меня на своей свадьбе сегодня вечером. Свадьбе? Да, подтвердил он, на его свадьбе... и я отправился покупать свадебный подарок.

Гуляя по главному городскому проезду, Амурской улице, я с удивлением обнаружил, что торговые лавки забиты дорогими товарами. Однако восточных вещей было мало, а того, что я рассчитывал здесь найти, не было и следа.

Я знал, что недалеко в степях у Хэнтэйского нагорья есть руины древних городов. Там находили множество обработанных гранитных глыб, домашнюю утварь, монгольские памятники с величественными надписями, но во всем городе я не обнаружил ничего из этих столь близко лежавших древних сокровищ.

Свадьба оказалась пышным торжеством. Церемония началась в церкви в присутствии большого количества офицеров. Жених и невеста были едва различимы в толпе блистательных военных. Когда церемония закончилась, и счастливая пара двинулась к выходу через арку из перекрещенных обнаженных сабель, я наконец смог разглядеть Николая. Он выглядел великолепно, величественно сильный и красивый, но мое внимание привлекла невеста. Это была Катрин, Катрин из Пскова, которую я видел всего дважды, но никогда уже не мог забыть. Я покраснел, вспомнив, как отправился к ней однажды в качестве посланника Николая, однако оказался предателем и влюбился в нее сам. На Катрин было серебристо-белое платье, жемчужное ожерелье на шее и сверкающая диадема на роскошных черных волосах. Два мальчика лет десяти несли длинный шлейф платья, вышитый маленькими серебряными звездами. В окружении толпы друзей они направились в офицерский клуб, где начался шикарный банкет с нескончаемой переменой вин и блюд. Оркестр играл веселые мелодии, и вскоре стало так шумно, что произносимые тосты тонули во всеобщем гаме. После ужина хозяин торжества со своей очаровательной супругой открыли бал и удалились, пожелав нам продолжать веселиться уже за свой счет и до предела наших возможностей. Под аккомпанемент шуток, смеха, пожеланий счастья и обильно посыпаемые рисом, жених и невеста покинули клуб.

По окончании первого вальса я проводил свою партнершу к ее мужу, широкоплечему казачьему офицеру. Мы сидели рядом за ужином и пытались вести беседу. И сейчас он пригласил меня присоединиться к ним в одной из боковых комнат, где подавали черный кофе. Мой новый знакомый, войсковой старшина, нашел во мне благодарного слушателя, и, выпив еще, мы почувствовали себя друзьями. Как к другу Николая, он сразу проникся ко мне дове-

рием, а выпитое вино это доверие только усилило. Уже через несколько минут он сделал мне прямое предложение остаться в Чите и сформировать артиллерийский дивизион.

– Но ведь это дорогое удовольствие, полковник, – прервал я его с сомнением. – Просто сформировать батарею недостаточно: снабжение боеприпасами, лошадьми и людьми потребует гораздо больше средств. Как вы будете решать эту проблему?

Мы были вдвоем и говорили откровенно, так как супруга полковника в этот момент была ангажирована на танец другим офицером.

– Не беспокойтесь о пустяках. Настоящие патриоты всегда находят выход из подобных трудностей. Алчные спекулянты таскают грузы через Забайкалье туда и обратно, кладя прибыль себе в карман и совершенно не думая об отечестве. Поскольку никто другой не даст нам продовольствие, одежду и боеприпасы, мы берем их сами. Деньги – забудьте о них, у вас будет столько денег, сколько захотите, не считая быстрого продвижения по службе.

Однако, по совести, я не видел здесь отличий от обычного грабежа, и потому промолчал в ответ. Полковник же воспринял моё молчание как высокую оценку находчивости Семенова и его подручных. Он был полон энтузиазма в отношении барона Унгерна, чья справедливость и порядочность стали уже легендарными. В подтверждение своих слов полковник рассказал мне об одном случае. Однажды утром на ежедневной проверке барон обнаружил, что соленая рыба, которую выдавали солдатам, была тухлая.

– И что вы думаете? – воскликнул мой новый друг. – Ответственный за это офицер был отправлен на гауптвахту, где его три дня кормили только этой рыбой и не давали ни капли воды. А вот вам еще случай. Однажды барон обнаружил, что овес, которым кормят лошадей, ненадлежащего качества. Он немедленно отправил интенданта на гауптвахту, где его кормили этим самым овсом. Да, батенька...

Истории следовали одна за другой, и я слушал их с неослабевающим интересом и признательностью, предчувствуя, что со временем эти сведения могут мне весьма пригодиться.

Я вернулся в свою гостиницу озадаченным и сбитым с толку, ибо никак не мог понять, что же здесь происходит.

На следующий день я принял решение вернуться домой, в Маньчжурию. Отсюда до нее было три с половиной сотни верст, и поезд мог доставить меня туда за сутки. Какое же будет облегчение, думал я, оставить позади всё это массовое безумие!

Решив попрощаться с Николаем, я отправился к нему домой, и по дороге, пересекая Атаманскую площадь с административными зданиями, внезапно почувствовал огромную жалость к местному гражданскому населению, которым собирались управлять эти военные. Что эти люди, воспитанные в казармах, могли знать об исполнительной, законодательной и судебной функциях сложной государственной машины? Всё, что им известно – армейская рутина, армейские уставы и армейские наказания. А теперь они сами собираются писать законы, сами их исполнять и обходиться без судебной функции, считая ее полной чепухой. Я с уважением относился к таким людям как Деникин, Врангель, Колчак, Корнилов и другим, оставшимся в Европе, но относительно Семенова, Унгерна и компании испытывал большие сомнения.

Мы пообедали вдвоем с Николаем в его гостинице. Он был в приподнятом настроении, как будто дела, которыми он занимался, придавали ему силы и вдохновения. С ним происходило что-то странное, он пребывал в настолько необыкновенном возбуждении, что я не удержался от вопроса: что вообще происходит с Читой и с ним самим?

С минуту он колебался, но был не в силах больше хранить секрет, словно женщина или ребенок. Он открыл дверь, выглянул наружу, затем снова закрыл ее и придвинул свой стул вплотную ко мне.

– Дмитрий, мы с тобой старые друзья. Я знаю, что могу доверить тебе наш «большой план». Лишь немногие посвящены в него, и я должен просить тебя сохранять его в тайне,

пока мы не преуспеем или не проиграем. Я ценю твоё мнение и хотел бы узнать, что ты думаешь об этом.

Мир прогнул. Жадность, ненависть и жестокость овладели им. Мы намерены создать новую империю, новую цивилизацию – и назовем ее Азиатской Буддийской Империей. Она будет состоять из Монголии, Маньчжурии и Восточной Сибири. Мы уже установили связь с Чжан Цзолинем, военным правителем Маньчжурии, и Хутухтой, Живым Буддой Монголии. Здесь, в этих древних степях, мы создадим армию, мощную, как войско Чингис-хана. Мы двинем ее по стопам этого великого человека и сокрушим всю Европу. Мир должен погибнуть, чтобы на его обломках родился другой мир, новый и лучший, воссозданный на новых принципах.

Николай смотрел на меня безумным взглядом фанатика. Я знал, что он стал буддистом, как барон Унгерн и еще сотни три его приверженцев, но с трудом мог представить, что они зайдут так далеко, хотя бы даже и в мечтах. Я был напуган, мне казалось, я обедаю с маньчжом. Что ответить, я не знал, поэтому отделался замечанием в духе, что мир действительно болен и нуждается в переливании крови, и что момент для этого действительно настал, а также что я буду бесконечно обязан Николаю, если он даст мне пропуск для проезда в Маньчжурию, через одну треть будущей империи. Я не отказался, но и не дал согласия присоединиться к их великой армии и следовать за новым Тамерланом. Просто сказал, что сперва хотел бы увидеть родителей, и объяснил, что я – один из тех немногих в этом прогнущем мире, кто всё еще чтит отца и мать. Николай понял мои чувства и согласился сделать для меня пропуск. Прощаясь, он сказал значительно: «Жду тебя обратно. Нам многое предстоит сделать. Поторапливайся!»

Когда поезд тронулся со станции, я перекрестился. Я был счастлив покинуть Читу. Тем не менее, среди пассажиров витало некоторое беспокойство, поскольку никто не был уверен, чем может закончиться встреча с предприимчивыми патриотами в Забайкалье и особенно в Даурии, где абсолютным самодержцем правил «наместник» атамана барон Унгерн.

Моим соседом по купе был раненый амурский казак, возвращавшийся домой на Дальний Восток. Это был больной, разочарованный и обозленный на весь мир человек. Я хорошо понимал его чувства и не приставал к нему с разговорами. Взобравшись на верхнюю полку, разделся и стал читать старый номер какого-то журнала, который я взял с собой. От мягкого покачивания вагона потянуло в сон, и время от времени моё чтение прерывалось блаженным забытием. Как быстро шел поезд, какой мягкой была постель, как свеж воздух! А тишина!.. Целый день я не вставал с полки; чтение и сон, сон и чтение – бесконечное состояние ленивого блаженства.

Разбудил меня голод. Мой сосед сидел у окна, уставившись безразличным взглядом в унылый, пустынный пейзаж, проплывавший за движущимися окнами. Видимо, он оценил мою сдержанность и поздоровался учтиво. Мы отправились в вагон-ресторан, и по пути я отметил, что пассажирами нашего поезда были в основном гражданские, бежавшие от большевиков. Среди них было легко различить спекулянтов, находящих способы извлекать выгоду в любые времена достатка или невзгод. Общественные беды, однако, приносили им наибольшую прибыль. Трудно было не презирать их.

Мы приближались к Даурии, маленькой станции недалеко от границы с Маньчжурией. Мне уже доводилось несколько раз проезжать здесь, но я не обратил на нее ни малейшего внимания, настолько жалким и безнадежно унылым был ее вид. Расположенный на мертвой равнине в окружении небольших песчаных сопок, поселок состоял из нескольких убогих построек, разбросанных по голым холмам. Над всем этим возвышалась маленькая церковь, а центре долины раскинулся военный городок. Казармы городка, построенные из красного кирпича, издали напоминали забрызганную кровью бойню. Здесь была штаб-квартира барона Унгерна.

Наш поезд встречал отряд людей барона. У всех дверей были выставлены караулы, и группы солдат пошли по вагонам. Воцарилась мёртвая тишина, поезд был парализован страхом. Даже паровоз, казалось перестал дышать и замер от ужаса. «Патриоты» были очень вежливы и двигались по составу, проверяя паспорта. Они даже отдавали честь офицерам и принесли извинения моему попутчику и мне за вторжение. Всё происходило дисциплинированно и не соответствовало ожиданиям. Мы ждали нападения бандитов, а столкнулись с изысканным обращением высшего общества.

Единственной необычной вещью, замеченной мной, была небольшая группа гражданских, большей частью спекулянтов, выстроенная на платформе под усиленной охраной. Их строем повели к одному из фортвов в долине. Поезд тронулся и набрал полный ход. Через час-другой мы должны были быть в Маньчжурии; там кошмар наконец закончится. Я вернулся на своё место и обратился к попутчику:

– Почему все так много говорят о Даурии? Всё это не очень впечатлило; арестовали несколько спекулянтов, только и всего.

Офицер посмотрел на меня в изумлении, помолчал немного и заговорил с большим сарказмом:

– Ну конечно, это всё враньё про Даурию, и про барона Унгерна тоже! Всего-то арестовали несколько человек, у которых оказались деньги, и забрали всё, что у них было, на нужды армии. И всё это, следует помнить, делается из чисто патриотических соображений. Без какого-либо предварительного дознания этих людей бросят в тюрьму, где у них не будет ни единого шанса на защиту.

Теперь настал мой черед удивиться.

– Что вы имеете в виду? – спросил я в изумлении.

– Ночью люди коменданта Сипайлова явятся в тюрьму, свяжут арестованных, затем уложат их штабелями один на другого в повозки и повезут в сопки. Затем их либо, как выражаются солдаты, «шлёпнут» выстрелом в затылок, либо заколют штыками и зарубят шашками. В Даурии смерть встречают как дорогого друга, пришедшего избавить от непереносимых пыток и ужаса.

– Разве такое возможно...?

– Теперь, в революцию, всё возможно. Атаман Семенов боится барона Унгерна, так как тот единственный обладает реальной военной силой: опираясь на нее, этот авантюрист может править как совершенно независимый правитель. Он окружил себя людьми того же типа, тянущимися к деньгам, жадными до наград, чинов и званий. Очевидно, что они пользуются наступившей в стране анархией для достижения своих личных целей.

Тут я прервал казака, сказав, что, хотя я и не имею оснований не доверять ему, но всё же, возможно, его наблюдения слишком поверхностны. Он отмахнулся мои возражения и продолжил:

– Когда убийца воткнул нож в сердце жертвы, все наблюдения заканчиваются. Незачем больше наблюдать, как он делает это снова и снова, следуя за ним от жертвы к жертве. Я провёл в Чите несколько месяцев и ответственно заявляю вам: эти люди убивают последнюю надежду на возрождение России. Они скомпрометировали имя армейского офицера настолько, что скоро оно станет синонимом убийцы или разбойника. Барон Унгерн – разбойник, у него большой опыт в этом деле. Видели вы эту банду грабителей в Чите? Они же все принимают наркотики: морфий, кокаин, алкоголь. Они пытаются коммунистов и других своих пленников, потому что это доставляет им удовольствие, они все рвутся быть палачами. Зверствами они добиваются расположения начальства, получают награды и продвижения по службе. Они используют гауптвахты, полковые конюшни и бронепоезда, как средства политической и личной мести и обогащения.

Я заметил, что в таком случае это должно быть опасно путешествовать через Забайкалье, будучи человеком с деньгами.

– Вы правы, но не более опасно, чем путешествовать, будучи красивой женщиной.

– Но, полковник, я не понимаю, как им всё это сходит с рук. Всё это настолько чудовищно, что трудно представить.

– А кто может остановить их? Вокруг революция, не так ли? Ни одна из сторон не имеет достаточно военной силы, чтобы прийти и вычистить эту грязь отсюда. Но терпение, дорогой капитан, терпение. Придет время, и мы вернемся сюда: вы, я и еще тысячи истинно русских людей, которые смогут победить всю ту нечисть, что пожирает отечество.

В голосе полковника было столько тоски и отчаяния, что я понял: я задел больное место. Крушение Российской Империи и бегство армии со всё еще действующего фронта серьезно ранили чувства гордости и патриотизма старика. Внезапно я осознал, что только в крови, в реках крови люди вроде этого полковника будут искать облегчение от душевных мук. Слишком много они лишились с приходом революции – и хотели бы, чтобы кто-то дорого заплатил за горечь всех их разочарований.

День близился к концу, и красные отблески заката наполнили наше купе зловещим светом. Офицер сидел в углу, откинувшись на подушки. Невидящим взглядом он смотрел на сизый дымок сигареты, и было легко догадаться, как далеко он зашел в своих горьких мыслях. Его лицо, руки и форма стали ярко красными в лучах заката. «Реки крови», – снова мелькнуло у меня в голове, и по спине пробежал холодок.

3

Последний вагон Международного Экспресса покинул Сибирь и въехал на территорию Маньчжурии. Я вздохнул с облегчением, осознав, что бушующий пожар русской революции остался теперь позади. И я не был исключением: остальные пассажиры открыто, как малые дети, выражали свою радость. Без церемоний поздравляли они друг друга с большой удачей и счастливым избавлением. Множество новых знакомств было скреплено шумными тостами, и множество встреч назначено по прибытии, чтобы подобающим образом отметить столь значимое событие.

Поезд продолжал двигаться вглубь просторов древнего и загадочного плоскогорья Барги, сотню верст которого мы пересекли еще по территории России. Однако теперь что-то новое и неуловимое появилось в этой мягкой, холмистой степи, покрытой тонким слоем раннего снега. Больше не было видно уродливых военных казарм, как не было и самих войск. Если бы не стада коров, овец и табуны лошадей, всё еще пасшихся в местах, где ветер сметал снег, земля выглядела бы совсем пустынной. Далеко вдаль караван верблюдов двигался к небольшой станции, напоминая декорации пролога к давно забытой восточной сказке.

Я относительно мало знал об этой отрезанной от мира стране, так как моё обучение в юности касалось исключительно Китая. И, чтобы убить за разговором время нашего долгого путешествия, я обратился к своему более опытному попутчику за сведениями. Поправив подушку под локтем, он начал медленно и задумчиво:

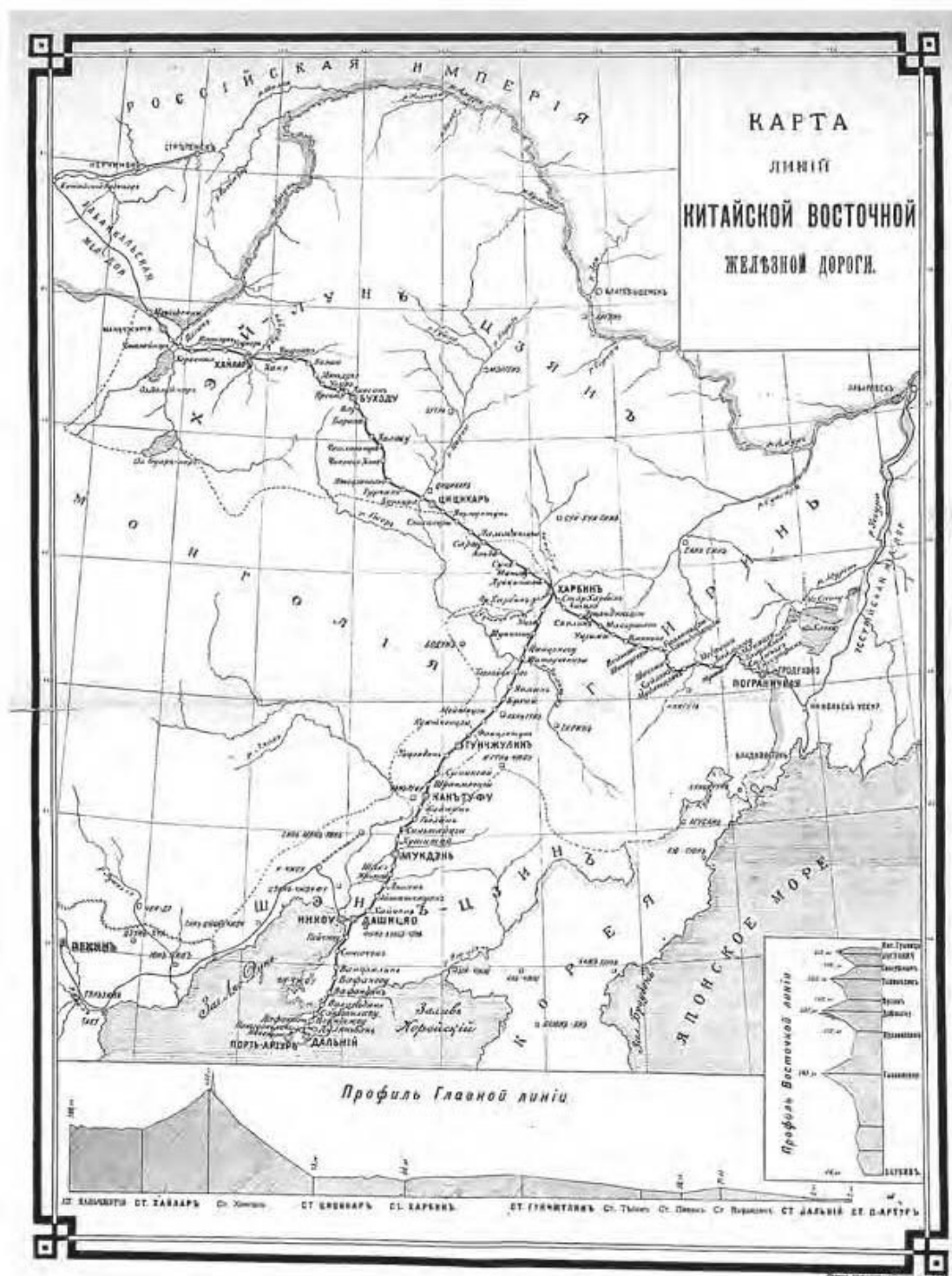
– Да, это хорошая страна. Здесь началась моя жизнь, здесь прошли мои лучшие годы, годы молодости. Здесь я начал свою службу в Аргунском полку. Мы ходили вверх по реке Аргунь до озера Далай-нор, в которое впадает река Керулен. Там мы покупали лошадей и скот. Сколько ночей прошло под звёздным монгольским небом, сколько историй о древних временах рассказано у костра. Да, да... но всё это было в другой, счастливой жизни. Всё осталось в прошлом, умерло. Я переродился в другое существо, обреченное влачить ужасное существование, как гласит учение Будды.

Прервав рассказ, полковник со своей обычной язвительной улыбкой достал из кармана увесистый серебряный портсигар, зажег папиросу и, глядя на сизый табачный дым, медленно поднимающийся к потолку, продолжил:

– Здесь была колыбель империи Чингис-хана. Отсюда он распространил ее до Тихого океана и Дуная, до Индии и Арктики. Когда-то Барга с ее плодородными пастбищами породила одну из мощнейших его армий. Фридрих II Германский, Генрих III Английский и даже сам Папа Римский склонялись перед «Правителем Мира» в смертельном страхе, что монголы сотрут их с лица земли. К счастью для них, Запад с его горами представлял для кочевников мало интереса в сравнении с обширными равнинами Восточной Европы, пригодными для больших масс скота и лошадей, которых азиаты привели с собой. И они осели в России... как саранча. Но от всех этих грозных орд, которых великий хан отправил на запад, сегодня остались лишь жалкие торговцы и неплохие повара.

Полковник лениво повернулся и посмотрел в окно.

– Видите тот караван? Прошлой ночью он был на Далай-норе, озере, где птицы закрывают небо, как облака, и где рыбы так много, что она скачет по спинам друг друга. А две или три ночи назад эти кочевники стояли лагерем на Буир-норе, еще большем озере. Там они могли видеть хорошо сохранившиеся ванны, куда тысячу лет назад китайские мандарины и монгольские ханы приезжали лечить болезни в минеральной воде. Эта земля богата легендами прошлого. Одни говорят, что Чингис-хан родился здесь, другие – там. Мы знаем только, что это было где-то между реками Онон и Керулен, текущими к юго-востоку от Байкала. Однако бурятские легенды утверждают, что Правитель Всех Людей родился в восточных отрогах Байкальских гор в Сибири. Когда он умер, земля содрогнулась и поглотила его тело. Множество минеральных источников заполнили впадину, и так образовался Байкал.

Интерес и энергия полковника иссякли так же внезапно, как и появились. Он поправил свое сиденье, подложил еще одну подушку под локоть и вернулся к чтению журнал.

Поезд приближался к станции. Пестрая и шумная людская масса заполняла платформу. Синие, худые фигуры китайцев смешивались с дородными широкоскулыми монголами в красных и желтых одеждах. Русские в высоких сапогах и коротких рубашках деловито разговаривали с группками азиатов, привезших свои товары на обмен. Многочисленный скот был собран в загонах; сотни верблюдов лежали на земле, давая возможность своим хозяевам развьючить их ношу, а худые, лохматые пони с высокими седлами плелись за своими

хозяевами по улицам, как преданные собачонки. Пара автомобилей, припаркованных возле наиболее представительных деловых зданий, подчеркивала своим видом дикость окружающей восточной обстановки.

Это была маленькая станция, и, как только обменяли почту, поезд снова тронулся в путь. Через полчаса мы проехали Чжалайнор, богатый, но плохо развитый угольный район, и начали постепенный подъем по западному склону хребта Большого Хингана. Эта холмистая местность была редко заселена кочевниками, здесь и там виднелся скот и овцы, пасущиеся в укромных впадинах среди сопок.

Вскоре поезд прибыл на более крупную станцию Хайлар, перевалочный пункт на большом караванном пути из столицы Монголии Урги в Маньчжурию. Еще через сотню верст мы достигли перевала Хингана и начали спуск зигзагами, петлями и почти полными кругами в огромную долину, где между древним городом Цицикаром и Харбином на реке Сунгари раскинулся сельскохозяйственный центр Маньчжурии.

Мы прошли в вагон-ресторан и заняли свободный столик. Пока готовился наш заказ, мы разглядывали толпу на платформе станции, где остановился поезд. Это была Бухэду, известная лучшими охотничьими угодьями в Маньчжурии, благодаря путям миграции перелетных птиц, проходящим через множество мелких озер в низких окрестных сопках. В сезон здесь собиралось множество спортсменов для охоты кто на уток, гусей и фазанов, кто на оленей, кабанов и даже тигров. Но сейчас сезон был почти закрыт, и охотников было мало. Их легко было различить в толпе новых пассажиров, вошедших в поезд. В тяжелых плащах, с внушительными патронташами на плечах они следили за размещением своих собак в багажных вагонах. За некоторыми шли носильщики, неся гусей и уток в рефрижераторный вагон и багаж в купе.

Станционный колокол пробил три раза – сигнал, означающий в России отправление поезда. Паровоз издал хриплый свист, подхваченный горным эхом, и состав медленно тронулся. Исчезли станционные постройки, и маленький городок растворился в темноте окружающих его равнин. За окном осталась только тишина, бездонная и необъятная, как и прежде.

Когда мы вернулись в купе, полковник зажег одну из своих бесконечных сигарет и какое-то время молча выдыхал ароматный дым. Затем неожиданно он начал очередной рассказ. Вероятно, он чувствовал сильное желание излить тревожившие его мысли, полагая, что это даст облегчение от мук одиночества и тоски.

Он рассказывал о Сибири, куда его предки пришли в конце XVI века в составе небольшого отряда из пяти сотен казаков, с которыми Ермак завоевал эту обширную территорию. И хотя я знал о Ермаке, мне было интересно услышать эту историю снова от человека, чьи предки имели к этому непосредственное отношение.

На восточной границе царства Ивана Грозного находились владения богатых купцов Строгановых. Они получили право беспошлинной торговли в обмен на обязательства защищать отдаленные и уязвимые рубежи государства от набегов кочевников. Для этого они содержали собственную армию, состоявшую из изгоев, искателей приключений и сорвиголов. Сейчас слово «строганный» означает «рубленный», «рассеченный» или «разрезанный» – именно то, что случилось с одним из членов их семьи, попавшим в плен к татарам за сотню лет до этого.

В то время юг России был полон разного рода отчаянных людей, бежавших от царского террора. Они сбивались в группы и называли себя казаками. Это были свободные и лихие воины. Самым известным из их вожakov стал Ермак. Он сделался для Ивана Грозного такой проблемой, что был объявлен вне закона, должен был быть схвачен и повешен.

И, разумеется, именно Ермака Строганов пригласил возглавить его армию! Так сложился мощный союз больших денег и отчаянной храбрости.

Еще в V веке до нашей эры Геродот писал, что Сибирь богата несметными запасами золота и драгоценных камней. Конечно, Строганов решил организовать экспедицию для захвата столицы обширной страны, лежавшей за «Каменным Поясом», который мы сейчас называем Уралом. Эта столица носила имя Сибирь.

Ермак принял предложение, привлеченный масштабом и риском предприятия. С отрядом в 540 человек он перешел через горы и пробил себе дорогу к Оби. Татарские стрелы были бессильны против пищалей и пушек казаков.

Положив Сибирь к ногам царя, Ермак не только купил прощение всех своих прежних грехов, но и стал первым воеводой Сибири с правами неограниченной власти над этой территорией. Чтобы оценить величину подарка, сделанного царю, достаточно просто сравнить: площадь территории Германии составляет примерно 180 тыс. кв. км, площадь же Сибири около 5 млн. кв. км. Так что «крестовый поход» Ермака оказался чрезвычайно удачным.

В знак своего расположения Иван Грозный послал Ермаку серебряную кольчугу с орлом из чистого золота на груди. Этот драгоценный подарок и стал причиной его смерти. Однажды во время ночлега на берегу Иртыша Ермак с небольшим отрядом казаков был застигнут татарами врасплох. Большинство было убито во сне, и Ермак, оставшись один, отступал, сражаясь, шаг за шагом к берегу Иртыша, ибо одной лишь храбрости было недостаточно при таком неравенстве в силах. Он прыгнул в воду, но тяжелая кольчуга не дала ему плыть и утянула на дно. Но, как Чингис-хан покорил Россию³, так Ермак отомстил родине непобедимых орд «Правителя Мира», доставив огромное и нескончаемое удовлетворение всем русским патриотам, которые жили и еще будут жить.

Слушая рассказ полковника, я совершенно позабыл о его неподходящей для этой истории наружности. Он был выше среднего роста, при этом очень худ, особенно в талии, непропорционально тонкой по отношению к широким плечам. Волосы были черные, как у южан, с характерным синеватым отливом, типичным для уроженцев Кавказа, резко контрастировавшие с бледным лицом северянина. Вместо одной ноги протез, по кожаному боку которого он прихлопывал и говорил, что может ездить с ним верхом не хуже любого другого. Одно его ухо пало жертвой сабельного удара, а во втором он по казацкому обычаю носил серьгу. И хотя он был чисто русских кровей, в нем всё же отдаленно чувствовались легкие семитские черты. Когда-то он, без сомнения, был элегантен, но сейчас двигался с шаткой неуклюжестью. Женщин он ненавидел горькой ненавистью человека, потерявшего всякую надежду на успех у них. Говорил он взволнованным ироничным тоном и ко всему вокруг относился с желчью и сарказмом.

Примерно за сорок верст до Харбина наш экспресс встретился с другим поездом. В России есть традиция встречать друзей, прибывающих поездом, за одну станцию до назначения и ехать остаток пути с ними. И всё же я был немало удивлен, когда кто-то постучал в дверь нашего купе – и я увидел в дверях брата Александра!

Я потерял на войне двух братьев, но Александр каким-то чудом уцелел за эти три года. Было очень радостно видеть его снова.

– Привет мечтателю! – воскликнул он, и мы расцеловались. – Отец послал меня встретить тебя.

Тут он заметил полковника и отдал ему честь со всей официальностью. Я представил Александра, и он вместе со мной стал уговаривать моего попутчика остановиться у нас во время его пребывания в Харбине.

Мы были так взволнованы встречей и так много говорили, что не заметили, как поезд достиг моста через Сунгари в пригородах Харбина. У нас едва оставалось время собрать вещи, прежде чем поезд ранним вечером вкатился на станцию. Провозившись с багажом, мы

³ Чингис-хан не покорял Русь, это сделал его внук Батый (Бату-хан)

последними покинули вагон, а поезд отправился дальше на восток. Такси были разобраны, и нам ничего не оставалось, как взять рикшу. Кули⁴ поднимали оглобли, затем устремлялись вперед и бежали один за другим в своей ритмичной манере вверх по холму, отделяющему административный центр города от делового района.

Не имеет значения, насколько европейским может считать себя восточный город и насколько он действительно выглядит таковым; когда опускается вечер, и деловая жизнь стихает, в нем начинает биться пульс Востока. Крики толпы повисают в неподвижной атмосфере вечера. Опускается ночь, улицы кажутся теснее, толпа лучше одетой, а обстановка вокруг необычной и даже фантастической в тусклом свете множества фонарей.

Восточный человек быстро забывает все тяготы дня и наслаждается вечерним досугом. Один едет на осле, сидя на широком и плоском седле, в то время как хозяин животного бежит впереди, другой, побогаче, берет рикшу, сливки же общества гордо катятся в запряженных лошадью экипажах. Ночь наполняется гудками машин, шоферы такси снова и снова жмут на клаксоны, звучащие как огромные будильники.

Наши рикши достигли вершины пологого холма, и я посмотрел вниз. Огромный разбросанный порт был подсвечен множеством огней, а справа от нас, за железной дорогой мы увидели на темном небе красное зарево. Это был Фуцзянь, где сейчас живет уже около миллиона китайцев. А всего два десятилетия назад Фуцзянь была маленькой деревушкой, населенной горсткой бедных рыбаков! Но пришла железная дорога, и вместе с ней – кули, торговцы, бизнесмены и зазывалы, и Фуцзянь вырос и слился с другой маленькой деревушкой под названием Харбин, чтобы вместе образовать крупнейший мегаполис на Дальнем Востоке с населением в полтора миллиона человек.

Мой дом стоял на берегу небольшого пруда возле железнодорожного моста через Сунгари. Большая роща скрывала дом, конюшни, зимний сад и другие постройки нашего зажиточного хозяйства. Крепкий каменный дом был хорошо освещен, но по мере приближения огни скрылись; лишь некоторые из них едва пробивались сквозь листву, намекая на теплый прием, ожидающий нас дома. Лай собаки был первым сигналом нашего приближения, затем старый индус-привратник открыл ворота, и рикши въехали во двор. Они тянули нас почти сорок минут и сейчас дышали тяжело. Струи пота стекали по их лицам и скатывались за воротники длинных одежд. По обычаю, они запросили больше чаевых и, получив желаемое, исчезли, улыбаясь, в темноте узких аллей.

Мой любимый пёс прыгнул ко мне и, положив лапы на плечи, навалился, требуя должным образом оценить его приветствие. Взяв его за ошейник, я пошел ко входу в дом через сад, казавшийся ожившим от света множества фонарей. Слуга-китаец в белом открыл дверь, и в холле я наконец увидел ждавших меня отца и мать.

Родителей своих я нашел сильно постаревшими. Мать – ей едва исполнилось пятьдесят – была совершенно седой; плечи отца ссутулились, он выглядел измученным. Двое их сыновей погибли на фронте, и они жили в смертельном страхе, что и оставшиеся два могут также не вернуться. Теперь, когда мы оба были здесь, они смотрели на нас влажными от слез глазами, со счастливыми улыбками на лицах.

4

Спустя несколько дней армейские друзья пригласили нас осмотреть бронепоезд, подготовленный ими для борьбы с большевиками. Меня особенно заинтересовала дрезина на четырех человек. Эта тележка должна была идти впереди состава и обследовать путь, снимая мины, установленные противником. В теории самое худшее, что могло случиться, это

⁴ Название батраков, дешевой рабочей силы в европейских колониях в Азии.

подрыв дрезины до того, как поезду будет причинен какой-либо ущерб. Горячо обсудив перспективы дела, мы обнаружили, что из шестидесяти человек я был единственным, кто имел хоть какое-то представление о моторах. Было решено без спора, что я присоединюсь к операции и буду отвечать за эту разведывательную тележку, следующую впереди бронепоезда в поисках неприятностей и гибели.

Зимой 1917 года трудящиеся массы в России были заняты в основном сведением счетов со своими землевладельцами. К весне они наконец обратились к проекту строительства нового государства. Тем временем некоторые наиболее удачливые представители аристократии, богатой буржуазии и офицерства сумели вырваться из когтей революции и бежать на окраины империи. Здесь они постепенно организовывались в военную силу и готовились выступить против коммунистов.

Среди этих групп запоздалых «реставраторов России» было несколько, выбравших Маньчжурию в качестве своей базы. Все они были разными по своим возможностям, качеству и количеству. Первым среди всех выступил полковник Орлов, не имевший еще конкурентов в реализации своих инициатив. Он начал с того, что нарядил сотню сторонников в невообразимо яркую форму – и тем ограничился. Жителям Харбина оставалось лишь думать, что в их город вторглась армия швейцаров и портье из европейских столиц.

Затем другой джентльмен, генерал Хорват, неожиданно выпустил манифест и провозгласил себя Верховным Правителем России. Правда, ему хватило здравого смысла прибавить к этому смягчающую формулировку: «до созыва Учредительного Собрания». Взгляды всего мира обратились на Харбин; именно Хорвату этот город обязан своим местом в лучах газетной славы. Однако международные дипломатические круги оказались в смущении, когда не смогли найти столицу «правителя» на карте. Хорват не мог управлять Россией из Харбина, находившегося на китайской земле, поэтому объявил столицей никому неизвестную станцию Гродеково в тридцати верстах на восток от границы. Может показаться странным, почему он не выбрал Владивосток или Хабаровск, крупные и важные центры на Дальнем Востоке. Ответ, вероятно, состоял в том, что это было бы слишком рискованно для человека, которому могло понадобиться быстро спастись бегством. Но даже в Гродеково Хорват не поехал, предпочитая чужую, но безопасную землю Маньчжурии. Похоже, ему не слишком нравились его «подданные»: слишком они были непредсказуемы и опасны, особенно теперь, когда решили управлять собой сами. Но Гродеково было удобной столицей для человека, совмещавшего две работы – правителя России и управляющего Китайско-Восточной железной дорогой.

У Хорвата было существенное преимущество перед Орловым. Он командовал остатками армейских частей, расположенных вдоль всех полутора тысяч километров линии КВЖД, которой управлял уже два десятка лет. Кроме того, у него была казна железной дороги с солидным ежедневным доходом, и он мог рассчитывать на полную лояльность двадцати тысяч железнодорожных служащих.

Кроме нескольких лиц, имевших личные амбиции, большинство русских в Харбине любили этого старика, которого называли «дедушкой». Высокий и грузный, с благообразной серебристо-белой бородой до пояса, он был здесь привычной и величественной фигурой.

Строительство бронепоезда под руководством военных инженеров продвигалось медленно. Задача оказалась сложнее, чем представлялось в начале. Было относительно несложно превратить длинный американский грузовой поезд в настоящую крепость; сложнее оказалось добыть сталь для бронешитков, орудийных башен и оснований для тяжелых орудий. Однако в конце концов поезд был готов, и мы получили приказ отбить у большевиков «столицу» Хорвата Гродеково, недавно попавшую к ним в руки.

До русской границы мы добрались не без происшествий. На станции Пограничная китайская таможня, в которой работали в основном англичане, хотела досмотреть наш поезд, в соответствии со стандартной процедурой досмотра всех составов, пересекающих границу. Наш законопослушный командир согласился, и в то время, пока большинство личного состава находилось в станционном ресторане, в вагонах оставался только караул под моей командой. Нас возмутила сама мысль, что русскую военную машину будут досматривать иностранцы. Я приказал закрыть все щитки и запереть двери, а людям занять свои места. Так мы начали свою собственную революцию – и угрожали открыть огонь по каждому, кто приблизится к поезду. Англичане тут же исчезли, и даже наш командир смог попасть внутрь только после долгих переговоров.

Характерно, что я не был отдан под трибунал за этот случай. С другой стороны, командир понимал мои чувства и, уступая общему одобрению моих действий большинством офицеров, предпочел забыть этот инцидент как незначительный.

На границе мы отцепили пассажирский вагон, и люди перешли в бронированные отсеки. Все щитки были закрыты, кроме бойниц для орудий и пулеметов; офицеры заняли места в командирских башенках, и мы медленно вкатились в Россию, следуя за разведывательной дрезиной впереди. Мы ожидали, что пути будут заминированы – и примерно через пять верст после границы действительно обнаружили и сняли первые мины. Следуя дальше, за изгибом дороги мы внезапно обнаружили на путях огромный валун. Дав сигнал поезду остановиться, сами мы затормозить не успели, и пришлось прыгать с дрезины, пока она не врезалась в гигантский камень. Топливный бак сдетонировал, и остатки машины охватило пламя. С большим трудом нам удалось сдвинуть валун и тлеющие обломки дрезины с путей, и, перейдя в поезд, мы снова двинулись в набег на Гродеково.

Мирный сельский пейзаж предстал перед нами в чистой белизне раннего зимнего утра. Глубокие сугробы тянулись бесконечной снежной пустыней до горизонта, перемежаемые лишь редкими темными оазисами обнаженных деревьев. В туманной дали мы заметили небольшую деревушку. Она была почти погребена в снегах, и, если бы не дым нескольких труб, ее совсем не было бы видно. Деревня, отрезанная от мира, казалась ненастоящей, как будто кто-то извлек ее из детской книжки с народными сказками и случайно бросил тут.

Но мои мечтания были внезапно прерваны появлением старика. Он бежал по пути навстречу нашему поезду, отчаянно размахивая своим пальто, чтобы мы остановились. Но прежде, чем мы заметили его, еще четыре человека выпрыгнули из укрытия у дороги и что есть сил бросились в соседние кусты. Затем оглушительный взрыв сотряс землю, вырвал рельсы из креплений и высоко подбросил массивные деревянные шпалы. По счастью, мы успели остановить поезд, прежде чем он взлетел на воздух вместе с полотном дороги. Наши люди бросились в погоню, и скоро пули настигли своих жертв; однако все были в такой ярости, что продолжали бить их прикладами до тех пор, пока лица мертвых не превратились в кровавую кашу. Это, однако, не помешало старику узнать среди погибших своего внука, и он тихо рыдал, обнимая дорогие останки. Произошедшее не укладывалось у меня в голове, и я стоял, потрясенный ужасной картиной. Старик спас нас от крушения, а его собственный внук пожертвовал жизнью, чтобы спасти Гродеково от нападения безжалостного врага. «Возможно, потому, что они оба русские», – думал я в недоумении.

Наш поезд имел необходимое оборудование для ремонта мелких повреждений, но уложить новые рельсы на взорванное полотно дороги мы не могли. Нам пришлось вернуться в Маньчжурию, не выполнив задания.

Так закончилась авантюра с бронепоездом. Мы с братом не знали, чем заниматься дальше, но тут, как всегда, на помощь пришел отец. Используя свои связи, он устроил Александра на службу в жандармский корпус, а меня адъютантом к генералу Иванову, военному коменданту Харбина.

Служба брата была более интересной. В его обязанности входил сбор информации о японцах и особенно об их активности в Маньчжурии и Сибири. Как бывший студент консульской школы во Владивостоке, он был лучше, чем кто-либо, подготовлен для такой работы. Большую часть сведений он получал от своих информаторов на местах, а также из обширной переписки и тщательного изучения японской периодики и газет. Как теперь известно, Япония имела целью оторвать большой кусок от Восточной Сибири, оправдывая свои действия тем, что союзники делали то же самое в Европейской России⁵.

Моё же новое занятие было своеобразным, если не сказать более. Помимо множества прочих важных функций, комендант обладал полномочиями по надзору за поведением всех воинских частей, расположенных в городе. Для этого он завел штат из трёх адъютантов, в обязанности которых входило перемещаться по городу и следить за тем, что происходит. Каждый из них имел в своём распоряжении взвод солдат на случай экстренных ситуаций. Адъютанты обладали властью налагать взыскания вплоть до ареста за любые нарушения воинских уставов. Это было довольно почетным и необременительным занятием, пока ничего не происходило, но грубым и неприглядным, как только что-то начинало идти не так. В целом, оглядываясь назад, могу сказать: те несколько месяцев, что я провел под началом генерала Иванова, были худшими во всей моей военной службе.

Мой «рабочий день» протекал обычно следующим образом: разбитый и не выспавшийся, я вставал около полудня. В двенадцать часов мы должны были расписываться в книге приказов в штабе, куда ежедневно вносились все новые распоряжения. Меня раздражала эта обязанность, и вскоре я научил своего денщика писать за меня моё имя и кратко, очень кратко докладывать наиболее важные или интересные приказы, пока он подавал мне завтрак в постель. Отдохнув достаточно от походов прошедшей ночи, я отправлялся в центр города и лениво прогуливался там по улицам. Здесь или там, по своей прихоти, я останавливал солдата, проверял его увольнительную и отчитывал за ношение фуражки не по уставу или плохо начищенные пуговицы. Я следил, чтобы все военные отдавали честь друг другу и делали это надлежащим образом. Иногда я мог остановить даже офицера и поинтересоваться, на каком основании он носит кавалерийскую саблю, будучи пехотинцем. Вскоре я выработал наглость и враждебное отношение ко всем военным, и их публичное унижение стало доставлять мне удовольствие. Военные платили мне той же монетой, и их ненависть добавляла остроты ощущений в мою жизнь.

Ночная жизнь Харбина не отличалась умеренностью и воздержанием. Большинство военных в городе были казаками из Забайкалья и с Уссури; к ним добавились отчаянные головы, заброшенные в Маньчжурию революцией. Ожидая появления силы, которая бы организовала их и бросила на борьбу с большевиками, они тонули в пьянстве и буйных развлечениях. В пьяном виде, в котором они пребывали почти постоянно, военные превращались в главных общественных раздражителей Харбина. Они преследовали и задирали гражданское население направо и налево, слепо обвиняя всех в своих частных несчастьях и в крахе страны. Они видели себя героями, проливавшими кровь за отечество, пока гражданские сидели в тылу и наживались на войне.

Трения между враждебными лагерями военных и гражданских призваны были изо дня в день сглаживать мы, адъютанты. Военные, естественным образом, всегда оказывались в роли зачинщиков конфликтов, и мы, так же естественно, сдерживали в первую очередь военных. Гражданские чувствовали, что мы находимся на их стороне и, как следствие, мы стали желанными гостями во всех клубах, театрах и кабаре города. Лучшие еда и напитки, лучшие места всегда были в нашем распоряжении абсолютно бесплатно. Однако все эти вещи мы воспринимали как должное и относились к хозяевам с плохо скрываемым презрением.

⁵ Распространенное мнение, но документов, доказывающих это, не найдено.

Эта череда дней нескончаемого веселья и нервного напряжения закончилась довольно неожиданно. Свой последний вечер, мне помнится, я провел в отчаянных попытках развлечь двух очаровательных дам, свидания с которыми я спутал. Дамы и места были разными, а время я назначил одно. Пока я пил коктейль с первой, мне позвонил по телефону ординарец. Извинившись и сказав, что меня «вызывают в штаб по срочному делу», я понесся к другой, снова пил коктейль и снова был «вызван в штаб», чтобы вернуться к первой. Словом, вечер выдался хлопотливый. В конце концов мы все настолько устали и разочаровались друг в друге, что больше не встречались.

Злой на весь мир, я отправился в оперу, где встретил брата Александра. Представление нам обоим не понравилось, и Александр предложил пойти послушать новую певицу, только что прибывшую в один из модных ночных клубов. На входе в заведение происходил какой-то шум. Молодой поручик привел своего дядю показать большой свет. Оба были пьяны, и офицер вел себя вызывающе. Я отдал ему честь и сказал:

– Разрешите представиться. Я адъютант коменданта города. Властью данной мне, я призываю вас к порядку.

– Идите к чёрту! – ответил поручик.

Я медленно натянул перчатки и дал сигнал своей охране быть наготове.

– Мне очень жаль, но я вынужден арестовать вас, – произнес я, выхватывая его пистолет из кобуры.

Охрана накинула ему на плечи веревку, и прежде чем он смог опомниться, его уже посадили в такси, плотно зажав между двумя крепкими солдатами, и повезли в комендатуру, где его ждала ночь в темной камере.

Внезапно дядя поручика, про которого все забыли, пришел в чувство и бросился на меня. Но тратить время на гражданских я бы не стал ни при каких обстоятельствах. В первый момент я был просто ошарашен его дерзким поведением. «Чертова тыловая крыса!», – подумал я в гневе и, зло улыбнувшись, сказал:

– Похоже, тебе тоже нужен урок! Как насчет такого?

И ударил его в челюсть. Затем повернулся и, не торопясь, вошел в здание, оставив жандармам грузить его в патрульный автомобиль.

Мой брат посмотрел на меня с отвращением, но я постарался не придавать значения инциденту.

– Это входная плата, которую мне приходится платить регулярно, – небрежно бросил я.

Тут появился хозяин заведения и с заискивающим видом повел нас в личный кабинет коменданта.

– Шампанского? – спросил он. – Или желаете сперва отужинать? Нам только что доставили отличный французский коньяк.

– Всё здесь в порядке? – поинтересовался я.

– Кажется, да, но пока еще рано судить.

– Отлично, принесите нам чего-нибудь легкого закусить и бутылочку приличного бренди.

Александр снова улыбался. Мы сняли сабли и поставили их в угол.

– Посмотри, там, внизу, – сказал он, указывая в главный зал, где несколько столиков были составлены в круг перед сценой. За столами ужинала компания из четырех или пяти армейских офицеров, уже порядочно пьяных. Один из них пытался резать шашкой хлеб на потеху своим собутыльникам.

– Ну что же, вечер обещает быть интересным. Если они станут буянить, мне придется вмешаться.

– Можешь рассчитывать на меня, – сказал Александр.

И тут же один из этих героев достал пистолет и стал меткими выстрелами сбивать плафоны освещения.

– Скорее! – крикнул я. – Вызывай дежурный взвод и стой внизу у гардероба. И потопись, пока они не убили кого-нибудь.

Сбежав вниз по лестнице, я вошел в зал, притворившись сильно пьяным, и, подойдя к компании, хвастливо закричал:

– Плафоны? Это ерунда! Я знаю фокус поинтереснее, господа. Вы можете попасть в лезвие шашки так, чтобы пула разлетелась надвое? Идемте, я покажу вам.

Они встретили меня громким смехом и охотно последовали за мной в бильярдную, где освещение было лучше для стрельбы. Алекс шел за нашей компанией на расстоянии.

Как только мы оказались в просторной комнате, и дверь была закрыта, я выхватил пистолет и закричал:

– Руки вверх, свиньи, всем построиться у стены! Алекс, входи!

Офицеры мгновенно протрезвели. Александр собрал оружие, пока я держал их под прицелом. Через десять минут пришла патрульная машина со взводом солдат и увезла дебоширов на гауптвахту.

Завсегдатаи заведения не обратили на инцидент никакого внимания: их так много случилось в городе каждую ночь, что все уже привыкли. Как только мы вернулись на свои места, и выступление началось, меня вызвал по телефону другой адъютант, у которого были проблемы с каким-то полковником. Этот офицер, георгиевский кавалер, требовал, чтобы его сопровождали под арест с военным оркестром. И хотя по традиции он имел право на такую честь, оркестра в это время ночи было не найти, и мой коллега обратился ко мне за советом и помощью.

– Постарайся не раздражать и не злить его. Я скоро буду. – Я извинился перед братом и, пообещав вернуться через полчаса, покинул «Баярд».

В ярко освещенном холле роскошного Коммерческого Клуба я обнаружил группу любопытных зрителей, наблюдавших за официальным препирательством двух военных. Один, адъютант, пытался арестовать другого за ненадлежащее поведение, но обнаружил, что не в состоянии этого сделать. Другой, полковник, покойно сидел в мягком кресле и потягивал из бокала бренди. Он был невысокого роста и чрезвычайно широк в комплекции. Его смуглое лицо, высокие скулы и острый взгляд черных глаз безошибочно выдавали татарское происхождение. Когда он говорил, его белые зубы сверкали как сталь. Было что-то величественное в этой гордой и сдержанной фигуре. Его забайкальский казачий мундир был сшит из отличного материала настоящим мастером своего дела. Манерами он чем-то напоминал породистую кошку. Похожие чувства я испытывал лишь раз в жизни, когда в зоопарке смотрел сквозь прутья клетки на тигра.

Я оценил его издали и подошел максимально по-уставному, держа руки по швам. Затем отдал честь и встал, глядя прямо перед собой, так, как простой солдат стоял бы перед генералом.

– Генерал Иванов, комендант города, направил меня выразить вам своё почтение и удовольствие видеть вас в Харбине. Он высоко ценит ваши заслуги на фронте и ожидает вас в своем штабе, чтобы засвидетельствовать это лично.

Я смотрел ему прямо в глаза. Он улыбнулся, но остался неподвижен. Затем внезапно, как будто поняв смысл моих слов, встал на ноги и пожал мне руку.

– Хорошо, молодой человек. Буду рад следовать за вами.

Выйдя на улицу, я вызвал такси, отпустил охрану, и мы поехали в комендатуру. Полковник положил мне руку на плечо и сказал:

– Я знаю, что генерала Иванова нет в штабе в такое время, и вы просто арестовали меня без обычного в таких случаях шума. Вы позволили мне сохранить лицо и исполнили свой долг наилучшим образом. Хотите быть моим адъютантом?

Он оказался командиром монгольского дивизиона в войске барона Унгерна в Забайкалье. Поскольку у меня не было права отправлять полковника в комендатуру, где ему пришлось бы спать на грубых нарах до рассмотрения его дела утром, мы договорились провести остаток ночи в «Баярде», после чего вместе доложить генералу. Однако в «Баярде» мы оба встретили знакомых и разделились, забыв о нашем деле окончательно.

По дороге домой я случайно встретил своего дядю Павла, компания которого всегда была для меня отдушиной. Мы поехали на пляж и с удовольствием окунулись в прохладные воды Сунгари. День только начинал заниматься, над спокойной рекой висела легкая дымка. Дикая утки перекрикивались где-то за поворотом, здесь и там вокруг плескалась рыба. Мы проплавали около часа и наконец прилегли отдохнуть на противоположном берегу. Трава была мягкой и прохладной от росы, и всё вокруг заполнял пряный аромат полевых цветов.

Вскоре я приподнялся на локте и посмотрел на величественную реку. В туманной дали два китайских рыбака бросали свои лески из длинных и узких долбленых лодок. На них были широкие соломенные шляпы, защищавшие от солнца не только голову, но и всё тело. Неподвижные, как китайские картинки-силуэты, они курили тонкие черные трубки.

После бурной ночи мирная атмосфера волшебного утра доставляла райское наслаждение.

Дядя, приподнявшись, сел и обхватил руками колени. Помолчав пару минут, он произнес одну из своих типичных задумчивых фраз:

– Чем дальше мы уходим от человека, тем прекраснее становится мир. – Затем встал на ноги и добавил: – Давай позовем этих рыбаков, чтобы перевезли нас на тот берег. Я тороплюсь. В конторе меня ждет куча дел.

Китайцы заметили мои сигналы и, бросив своё занятие, направили лодки к нам. Через пятнадцать минут они достигли нашего берега и с наивными улыбками помогли забраться в свои утлые суденышки, такие крошечные, что ради безопасности нам пришлось сесть в разные лодки. Лишь плеск весел в воде нарушал тишину, пока мы плыли обратно через реку. Было так тихо, что я задремал.

Одевшись, мы отправились в яхт-клуб. Как только нам подали завтрак на открытой веранде, толпа девушек из кабаре в сопровождении блестяще одетых молодых людей ввалилась в зал и села в противоположном углу. Они были пьяны и вели себя очень шумно. Мы спешно закончили есть и брезгливо покинули ресторан. Дядя поехал на такси в контору, а я отправился домой.

После обеда в тот день отец позвал меня в свой кабинет. Он закрыл дверь, придвинул своё кресло поближе к камину, зажгёт трубку и, немного помолчав, сказал:

– Сынок, мне очень не нравится то, что происходит с тобой, и я думаю, тебе самому это не нравится тоже. Я договорился о твоём увольнении из армии и поступлении на службу в Американский Экспедиционный Корпус, по крайней мере на время. С твоим знанием языков и обстановки на Востоке и в Сибири ты можешь быть очень полезен нашим американским союзникам в их делах в России. Вот письмо от американского консула к генералу Грейвсу и билет до Владивостока. Мать уже уложила твои вещи, и ты едешь на ближайшем поезде.

Мне едва исполнилось двадцать, и то, что кто-то другой устраивает мою судьбу, меня еще не задевало. На самом деле я уже давно ждал, что отец воспротивится тому образу жизни, что я вёл. Я посмотрел в его усталые, задумчивые глаза и подумал: «Благослови тебя Бог, отец».

Часть II

С Грейвсом и Колчаком в Сибири

1

После революции Сибирь представляла собой огромную сцену, наводненную непрофессиональными актерами, самоприглашенными интервентами, якобы посланными «спасти» Россию от большевиков. Они исполняли странные роли, которых никак не могли выучить ни сами актеры, ни их партнеры по сцене. В результате вся пьеса превратилась в полный раздрай.

Сначала англичане, французы, японцы и чехи поддерживали Колчака, а американцы, канадцы, итальянцы и китайцы были против него. Затем неожиданно канадцы заявили, что неблагодарная задача вразумления русских отступников их больше не интересует, и вывели войска.

Японцы тем временем решили, что англичане и французы проявляют слишком много инициативы там, где лежит сфера безусловно японских интересов, и поддержали головореза Семенова. Тот был поставлен над Забайкальем и контролировал единственную линию коммуникации Колчака с внешним миром. Под их давлением Семенов выступил против адмирала, а французы с англичанами вынуждены были закрыть на это глаза и прийти к соглашению⁶.

Одновременно с этим чехи, с которых и начались все события, захватили огромное количество русского военного имущества, не говоря уже о прочем барахле вроде швейных или сельскохозяйственных машин, и решили, что настал самый подходящий момент покинуть Россию. В оправдание своих действий они объявили, что не желают более соучаствовать в преступлениях и поддерживать Колчака.

В этих условиях Колчак не смог бы продержаться долго, если бы не помощь президента Вильсона, выразившаяся не только в мощной моральной поддержке, но и в поставках продовольствия, военного снаряжения и других остро необходимых предметов. Так, например, Американский Красный Крест поставил около шестисот тысяч комплектов нижнего белья.

Кажется, генерал Фош⁷ первым призвал к крестовому походу против революционной России. Но, претворённый в жизнь, поход обернулся неудачей.

Винили в этом, конечно же, генерала Грейвса. Он был единственным из командующих, который действовал исключительно в своих целях, не ввязываясь в чужие авантюры и, к его чести, не участвовал в попытках раздела России. Будучи честным солдатом, он умел отличать добро от зла и всегда твердо стоял за то, что считал правильным, невзирая на ловкие моральные обоснования, используемые дипломатами. Каждый настоящий русский патриот будет всегда с неугасаемой благодарностью помнить этого современного рыцаря, свято верившего в то, что сила всегда в правде⁸.

⁶ Семенов захватил власть сам и не был никем «поставлен» над Забайкальем. Его выступление против Колчака не было связано с давлением японцев, а лишь с тем, что Верховный Правитель стал представлять угрозу его власти.

⁷ Французский военачальник, главнокомандующий союзными войсками во Франции в 1918 году. Один из инициаторов интервенции союзников в Россию.

⁸ Субъективная и спорная оценка деятельности американского контингента в Сибири, на которую очевидно повлияло то, что автор проходил службу в штабе Грейвса и имел планы обосноваться в США.

В первые дни сентября 1918 года⁹ вступление в Американский Экспедиционный Корпус в Сибири привело меня во Владивосток. Я был принят на службу в штаб генерала Грейвса в качестве главного переводчика и получил под начало отдел из десяти человек.

Штаб Грейвса располагался во внушительном особняке торгового дома Кунст и Альберс. Как это было принято в России, все крупные компании и товарищества содержали хорошо обустроенные общежития для своих работников: таким общежитием и было большое здание из красного кирпича, принадлежавшее этой фирме. Оно идеально подходило для нужд американской армии, так как вмещало большое количество людей. Общие помещения – библиотека, бильярдная и обеденный зал – выходили окнами на залив. В них разместился штаб. Верхние этажи были отведены под жилье для офицеров, а в подвале устроено караульное помещение. В нашей комнате на стене висела карта, на которую детально наносились все происходящие в Сибири события. Всё свободное пространство помещений штаба было до предела забито столами и картотеками.

Моим непосредственным начальником стал полковник Дэвид Бэрроуз. Образованный человек и способный аналитик в сфере запутанных международных отношений, он как никто подходил для своей должности начальника разведывательного отдела. Он объездил весь мир, бывал в самых отдаленных уголках, где когда-либо пересекались интересы различных государств, и, насколько мне известно, ему не единожды удавалось решать проблемы своей страны наиболее благоприятным для нее образом. Это был очень энергичный человек, с атлетической фигурой и быстрой, но тяжелой походкой.

Среди его сотрудников были выпускники многих университетов Америки. До сих пор помню странные утренние приветствия эксперта по японским делам, высокого парня с ярко-рыжей шевелюрой. Каждый раз он норовил засунуть свои холодные пальцы мне за шиворот, произнося многозначительно: «Ух... Сибиряк!»

И действительно, Сибирь была для американцев новым неизвестным миром. Некоторые из них никогда раньше даже не видели снега. Как малые дети, они погружали открытые ладони в эту рыхлую пушистую субстанцию и прижимали ее к лицу. Многие потом заплатили дорогую цену простудами и воспалениями легких. Сибирский холод очень особенный. Иностранцы никогда не могли к нему привыкнуть. Он убил больше японцев, чем все пули красных. Русский же человек считает Владивосток местом с умеренным климатом. В глубине Сибири он признает, что да, бывает холодно. Мороз бывает настолько сильным, что трескается земля, а на севере необходимо дышать только через шарф и носить цветные очки, иначе можно лишиться носа и ослепнуть.

В один из дней было решено провести парад, и из Никольска, города в шестидесяти верстах от Владивостока, вызвали для участия казачий полк. Однако утром того дня разразилась снежная буря, и союзное командование парад отменило. Но казаки уже находились на марше, и известить их не было возможности. Представьте себе всеобщее удивление, когда на главной улице Владивостока вдруг появились идущие парадным строем конные люди. Временами порывы ветра были настолько сильными, что всё исчезало в снежном вихре. Смутные силуэты людей и лошадей появлялись на мгновение и исчезали снова. Но больше всего моих американских друзей впечатлило то, что, проходя строем, полк лихо пел походную песню, так, будто ничего необычного в погоде не было. Пожалуй, в этом была изрядная доля нарочитости, но следует признать, что казаков действительно не сильно смущает холод.

Среди американских офицеров был один, происхождением из казаков. Его звали Борис Игнатьев, но он сменил имя на английский манер и стал называть себя Сэм Джонсон. Он имел чин майора и командовал международной полицией во Владивостоке. Со своим капра-

⁹ По-видимому, ошибка, имеется в виду все же 1919 год, так как предыдущее место службы автора – адъютант коменданта Харбина М. М. Иванова. Генерал Иванов был назначен на эту должность в июле 1919 г.

лом Маковичем он то и дело совершал невозможное. Не думаю, что хоть один человек когда-либо получал столько наград и отличий, как майор Джонсон.

Среди американцев было много настоящих джентльменов. Я вспоминаю майора Блонда, полного, жизнерадостного человека, ставшего большим другом нашей семьи. Особенно ему нравился наш самовар, но не серебряный для торжественных случаев, а из ярко-красной бронзы, тот, что мы использовали каждый день. Этот самовар, по его словам, создавал атмосферу солнечного уюта и тесной дружественности. Мы же, со своей стороны, снабжали майора русским чаем, который у нас в доме было принято смешивать в определённой пропорции с цветами жасмина.

В соответствии с политической линией, обозначенной в Меморандуме¹⁰, генерал Грейвс прилагал все усилия, чтобы соблюдать нейтралитет. Эта позиция немедленно была истолкована союзниками как нежелание сотрудничать и подтверждение того, что американские войска потворствуют революции. Они указывали на то, что в Архангельске американцы сражаются с большевиками плечом к плечу с англичанами, а в Сибири не желают пошевелить и пальцем. Были случаи, когда Грейвс отказывал в помощи союзникам в боевых ситуациях.

Обращение генерала к населению о намерении охранять железную дорогу в зоне своей ответственности для нужд всех русских людей, безотносительно их религиозных и политических убеждений, также было истолковано как желание протянуть руку помощи большевикам. Результатом стало множество попыток как американцев, так и союзников отстранить Грейвса от командования. И удивительно, как он сумел противостоять столь сильным атакам на него. В конце концов его стали открыто называть большевиком. О нем и его людях стали ходить разные истории. Дошло до того, что атаман Калмыков, этот известный «борец за Белое Дело», считал делом чести, чтобы кто-нибудь из его головорезов подстрелил американца, желательно в темноте и из укрытия.

Генерал Грейвс имел двух очень компетентных помощников: полковника Морроу, под командованием которого было два пехотных батальона в Забайкалье, и полковника Генри Стайера, командовавшего 27-м и 31-м полками со штабом в Хабаровске. Эти области были чрезвычайно опасны, так как Забайкалье было под контролем атамана Семёнова, а в Хабаровске заправлял всем атаман Калмыков. Оба этих джентльмена были отъявленными «убийцами, грабителями и распущенными мерзавцами», как справедливо говорил о них Грейвс. И сказать, кто из них хуже, невозможно – оба были одинаково отвратительны.

Работая в штабе, я не видел своими глазами результатов деятельности этих людей. Но, как главный переводчик, ежедневно читал множество сообщений об их зверствах и, как правило, лично переводил американцам жалобы жертв такого «патриотизма». Все преступления совершались во имя высоких патриотических идеалов и оправдывались нуждами армии. Любой, у кого обнаруживались деньги или товар, немедленно объявлялся большевиком и подвергался аресту и казни, а его имущество изымалось в фонд армии. Та же участь ждала любого случайного свидетеля этих расправ¹¹.

Но даже это можно было бы понять, если бы такой способ решения финансовых проблем не сопровождался нечеловеческой жестокостью и садизмом, которые отличали всякое их действие. Я не верил, что такими методами можно привлечь население на нашу сторону.

Воспоминания о тех днях даже сейчас, по прошествии двух десятилетий, наводят ужас. Семенов имел обыкновение хвастаться, что не может уснуть ночью, если кого-нибудь не убил днём. Грабеж проходящих поездов, массовые казни пассажиров и сжигание дотла

¹⁰ Меморандум Президента США Вудро Вильсона от 17 июля 1918 года, обосновывавший необходимость начала интервенции союзников в Россию.

¹¹ Документальных подтверждений этому нет. Здесь и далее, в пересказе эпизодов белого террора автор опирается на мемуары Грейвса, источник крайне субъективный и претенциозный.

целых деревень стали обычным делом. Отвратительнее были только отдельные убийцы, совершавшие свои зверства с холодной, расчетливой радостью садистов. Барон Унгерн, правая рука Семенова, специально держал стаю волков, которым скармливал избранных жертв¹².

Некоторых сжигали заживо в стоге сена, других разрывали на части лошадьми. Сипайлов, комендант Семенова, считал отличной шуткой задушить под конец вечеринки прислуживавшую ему горничную и любил похвастать перед друзьями своей огромной коллекцией наручных часов и колец, называемых им «сиротами», владельцев которых он убил. Калмыков и Семенов расправлялись не только с мужчинами и женщинами, но и с детьми своих жертв. Криков жертв никто не слышал, так как обычно их увозили в сопки или тайгу, погрузив штабелем на подводу так, что многим повезло задохнуться до прибытия к месту расправы.

Офицеры Американских Экспедиционных Сил в Сибири были единственными среди союзников, кто открыто называл этих «спасителей России» убийцами, коими они и являлись на деле. Остальные же предпочитали закрывать глаза на зверства, от которых содрогнулся бы и дьявол в аду.

Об ужасах правления маленького смуглого человека Калмыкова свидетельствует тот факт, что его собственные люди взбунтовались против него. Три сотни из них спаслись бегством в сопки, а еще около четырехсот просили убежища в расположении частей полковника Стайера. В какой-то момент столкновение между американцами и Калмыковым казалось неизбежным, и его удалось избежать только благодаря разумному вмешательству японцев. Их влияние на атамана было абсолютным: во всех отношениях он был японской марионеткой. Оказавшись в тупике, Калмыков и Семенов разработали план тайного нападения на американцев с целью полностью выдавить их из Сибири. Но план стал известен генералу Хорвату, командующему гарнизоном полковнику Буденко и главе местного земства Медведеву. Они должным образом проинформировали Грейвса, и катастрофу удалось предотвратить.

У полковника Морроу также были проблемы с Семеновым, но ему всегда удавалось проводить свою линию. Рядовые же солдаты были настолько обозлены, что по каждому поводу вступали в стычки с людьми Семенова. Однажды около сорока американских пехотинцев в открытую атаковали бронепоезд и выбили из него семеновцев, к огромной радости местного населения. Радость, конечно, была глубоко скрытой, но я уверен, что еще ничто не доставляло такого удовольствия жителям той маленькой деревушки с тех пор, как началась революция.

Калмыков и Семенов были самыми крупными проблемами, но далеко не единственными. Например, генерал Романовский, главный уполномоченный и военный представитель Колчака, и генерал Иванов-Ринов, также человек Колчака, предлагали Грейвсу купить их лояльность за двадцать тысяч долларов в месяц. За эту сумму они обещали прекратить всякую пропаганду против американцев на Дальнем Востоке. Но открыто называть американцев большевиками стал позже генерал Розанов, более известный одним из своих приказов:

«При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, – расстреливать каждого десятого. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и так далее отбирать в пользу казны»¹³.

¹² Известный миф об Унгерне, не нашедший своего подтверждения. Факты расправ с целью реквизиций действительно имели место, но средства для этого использовались традиционные – пуля или шашка.

¹³ Цит. по: История России. 1917–1940. Хрестоматия / Сост. В. А. Мазур и др.; под редакцией М. Е. Главацкого.

В середине 1919 года генерал Грейвс отправился в Омск, столицу правительства Колчака, и вернулся обратно только в конце августа. В штабе прошел слух, что он был очень разочарован увиденным там. Якобы он говорил, что «армия Колчака – миф, и ничто не может помешать большевикам захватить Сибирь». Мысль была столь неожиданной и невероятной, что я впервые стал сомневаться в Грейвсе. Неспособность белых освободить Россию от гнёта большевизма вызвала у меня чувство стыда. Я отказывался верить, что вся борьба была мифом. Россия и большевизм представлялись мне несовместимыми. Я почувствовал своим долгом присоединиться к армии соотечественников и сражаться с красными.

2

И снова я путешествовал через Сибирь, на этот раз – чтобы присоединиться к армии адмирала Колчака.

Необъятная Сибирь! Территория в пять миллионов квадратных миль в сравнении с 3,75 миллионов квадратных миль Европы, поделенных при этом на множество государств, она обладает ископаемыми и природными ресурсами для пропитания столь обильными, что это навсегда избавляет сравнительно небольшое население в двадцать пять миллионов человек от необходимости развивать какую бы то ни было промышленность. Другое богатство Сибири – трудолюбие населявших ее свободных и смелых людей. Царское правительство выделяло по пятьдесят десятин земли на каждого мужчину в семье, и большие крестьянские хозяйства раскинулись по всей огромной сибирской территории. Плодородная земля родила хлеб, справедливо считавшийся лучшим в мире. Многочисленный скот обеспечивал огромное производство качественных молочных продуктов. Всего было в достатке на этой земле, кроме мира.

Кто же были люди, населявшие этот рай? Многие произошли от потомков первых казаков, завоевавших эту землю в конце XVI века. Затем туда десятками тысяч отправляли политических ссыльных, отчаянных людей, и новые поколения первопроходцев проникали в глубь ее территории. Благодаря географической удаленности и слабым связям с остальной Россией сибиряки привыкли к самодостаточности и независимости.

Когда мы достигли Забайкалья, находившегося под управлением Семенова, я приготовился к любым возможным сюрпризам, зная, что вся территория вдоль железной дороги была отмечена известными «станциями смерти»¹⁴.

Существовали они якобы для борьбы с большевиками, но этот термин, с санкции Семенова, мог применяться к любому путешественнику. Семенов делегировал свою власть нескольким нечистоплотным подручным, которые судили быстро, без объяснений и обжалований.

Один знакомый состоятельный еврей из Харбина отправился со мной в этой поездку, с целью вывезти своих родственников из Томска. По документам он путешествовал в качестве моего шофера – и был счастлив возможности поехать в Сибирь по такой легенде. Но по прибытии на станцию Даурия его немедленно арестовали – агентам Семенова стал известен план, и из Читы была послана телеграмма. Мои протесты не возымели действия, и мне ничего не оставалось, как покинуть поезд вслед за ним. На наше счастье, офицер, производивший арест, оказался выпускником того же училища в Харбине, что и я. А по традиции у выпускников одного заведения было принято помогать друг другу везде, где бы они не встретились. Мой новый знакомый осторожно сунул мне листок бумаги со своим адресом

и шепотом сказал, чтобы я в тот день приходил к нему обедать. Таким образом, со стороны это выглядело бы как простой дружеский визит.

В полдень мой новый друг сообщил мне, что ситуация не внушает особых надежд. Мой «шофер» заключен на гауптвахту на неопределенный срок в ожидании «финансового урегулирования» вопроса. Если таковое не последует, то его «пустят в расход». Я был благодарен ему за такое откровенное признание. Мы обсудили возможные пути и средства спасения. Простой подкуп дежурного в тюрьме представлялся невозможным. Мой шофер был арестован как большевик, и, если его родные не явятся как можно быстрее с выкупом, его казнят. Так же бессмысленно было думать и об адвокате, ибо люди Семенова вершили как исполнительную, так и судебную власть.

В конце концов мы выработали план. Я должен был внести залог в десять тысяч рублей, взять поручительство над арестованным и отвезти его в Читу, где у меня имелись влиятельные знакомые, которые могли помочь уладить дело. Я был готов и на большой размер выкупа, но лучше было начать с небольшой суммы, чтобы оставался запас на торг. Мой однокашник отправился к начальнику тюрьмы. Вернувшись через пару часов, он, широко улыбаясь, вручил мне паспорт на имя некоего Купина: так теперь звали моего шофера, поскольку настоящего человека с таким именем должны были казнить сегодня ночью. Поздно вечером в тот же день новоиспеченный господин Купин и я покинули Даурию. Бутылка перекиси превратила жгучего брюнета Купина в полу-рыжее существо. Нам дали двух оседланных лошадей, на которых мы проехали с десятков верст и сели на поезд. Утром мы должны были прибыть в Читу и, конечно, не имели намерения докладывать там о себе кому-либо. Купин должен был следовать дальше один, а я оставался прикрывать его, если это станет необходимо.

Мы хорошо отдохнули, если так можно выразиться про ночь, проведенную в багажном вагоне, и утром прибыли в пункт назначения. Я оставался с Купиным до тех пор, пока его поезд не отправился на запад, затем взял такси и отправился на Атаманскую навестить своего друга Чернова.

Он встретил меня с восторгом и немедленно организовал горячую ванну и плотный завтрак. Осмотрев моё снаряжение, он откровенно раскритиковал его. Вооружен я был неподходяще. Сабля была еще ничего, из хорошей золингеновской стали, а вот револьвер, бельгийский «браунинг», совсем дрянь.

– Я достану тебе что-нибудь другое, более подходящее, не совсем игрушку, – решительно добавил он. – Как насчет американского сорок пятого? Конечно, он слишком громоздкий и в целом тяжеловат, но в любом случае лучше, чем этот бельгийский пугач.

– Было бы отлично, – ответил я, понимая, что в бою – а боёв предстояло много, как только я достигну армии Колчака, – мне понадобится лучшее оружие. Во Владивостоке мне не удалось купить приличный пистолет, и я обрадовался возможности решить проблему сейчас. Однако дальше я с удивлением узнал, что «кольта», который мне предлагал Чернов, у него нет.

– Это не проблема, – заверил он меня. – Мы легко его достанем. И крикнул через дверь кухни денщику: – Иван, иди сюда!

В комнату вошел огромный человек с широченными плечами и тонкой, как у женщины, талией, в форме забайкальского казака.

– Иди и достань американский «кольт» для его благородия, – коротко приказал он.

– Слушаюсь, – ответил детина и вышел из комнаты.

– Как это? – удивленно спросил я. – Как он достанет мне пистолет? Ты же не дал ему ни указаний, ни денег.

– Святая невинность! – воскликнул Чернов. – Подойди к окну, я покажу тебе, как делаются покупки в Сибири.

Атаманская площадь была заполнена полуденной толпой военных всех национальностей, среди которых преобладали казаки. Из иностранцев больше всего было американских солдат, так как здесь была их зона ответственности. Они были одеты в тяжелые зимние шинели, с огромными, почти до локтей, меховыми рукавицами. И у каждого на боку свободно висела кобура с «кольтом».

Вскоре мы заметили Ивана, приближающегося к площади со стороны одной из боковых улиц. Сильной рукой он удерживал свою гарцующую лошадь, затем, внезапно отпустив ее, помчался галопом, наклонился в седле, выхватил из кобуры у американца пистолет, резко повернул в сторону другой боковой улицы и исчез в ней с легкостью привидения.

Я был всё еще ошеломлен увиденным, когда через десять минут он вошел в комнату и вручил мне «кольт».

– Чёрт меня подери! – только и мог пробормотать я, но повесил пистолет себе на пояс.

Завершая рассказ, могу сказать только, что следующим гордым обладателем этого оружия стал один монгольский князь, которому я отдал его в качестве взятки. Но об этом позже.

Чернов хотел, чтобы я поступил на службу к Семенову и остался в Чите. Однако аргумент, что я артиллерист, а действующей артиллерии у атамана нет, убедил его, и мне удалось мягко отбыть в армию Колчака.

И снова, сев в поезд, я испытал огромное облечение: настолько тягостной была атмосфера в Чите. Вскоре мы достигли окраин Верхнеудинска, города, где находился штаб американских частей в Забайкалье, и нам попался принадлежащий им бронепоезд. Он был просто составлен из открытых грузовых платформ, а мешки с песком заменяли ему броню. Глядя на это, я не мог не думать о том вероломстве и опасностях, которые встречали этих парней повсюду в моей стране. Насколько неуместно и чуждо они смотрелись здесь, среди диких пространств Сибири!

Поезд достиг берегов Байкала и углубился во многие километры тоннелей. Вскоре мы прибыли в Иркутск, административный и культурный центр Восточной Сибири. Штаб Колчака в Омске находился еще в четырех тысячах верст отсюда. Тогда я и не мог предположить, что после поражения армии мне придется проделать весь этот путь верхом на лошади.

На вокзале я встретил еще одного знакомого. Он был представителем армии на железной дороге и отвечал за военные перевозки. Он предложил мне остаться в Иркутске, с энтузиазмом описывая веселую и богатую ночную жизнь города.

– Дмитрий, мы делаем здесь большие деньги, – сказал он вполголоса в качестве последнего и решающего аргумента, и затем объяснил, что обычной практикой тут была сдача или, вернее, продажа товарных вагонов спекулянтам за сорок тысяч долларов сверх того, что они официально платили за перевозку железной дороге.

Не могу сказать, что поразило меня тогда больше: сумма в сорок тысяч долларов – или неприкрытый цинизм, с которым это рассказывалось.

Я чувствовал, что в Иркутске происходит что-то не то. Население совершенно не испытывало энтузиазма и не проявляло лояльности к власти белых. Гражданские старались держаться в стороне от военных и, хотя открытого противостояния не было, общая атмосфера недоверия царила в городе.

Проведя в Иркутске несколько часов, я отправился дальше на запад. Чем дальше я ехал, тем более ощутимым становилось военное положение. Все мосты были сильно укреплены, подходы к ним окружали лабиринты колючей проволоки, а деревья и подлесок вычищены на приличное расстояние вокруг. Даже самые маленькие станции напоминали крепости. Повсюду были солдаты. Командовали ими офицеры в новой форме иностранного покроя. По большей части люди были вооружены японскими винтовками и одеты в японские же плохие шинели и брюки с русскими знаками различия императорской армии.

Мы встретили множество поездов, до отказа забитых людьми со встревоженными лицами. Вскоре я узнал, что никто здесь не верит в Колчака, и все ищут убежища на востоке. Об этом мне рассказал один пожилой человек, заинтересовавшийся моими делами. Он также сообщил, что железная дорога наводнена большевистскими агентами: они собирали информацию о передвижениях и концентрации белых войск и вели пропаганду против иностранных интервентов. В конце концов он осторожным тоном посоветовал мне немедленно возвращаться домой.

— Молодой человек, ваша жертва сейчас не ко времени и никому не нужна. Отечество горит адским пламенем, и ничто уже не может остановить грядущих событий. Возрождение возможно лишь в далеком будущем. Уезжайте отсюда как можно быстрее. Вы еще понадобитесь своей стране, будьте уверены, так что не совершайте бессмысленное самоубийство.

К тому моменту, как мы прибыли в Канск, обстановка выглядела настолько безнадежно, что я начал нервничать и думать о возвращении в Китай. Но после дальнейших размышлений отбросил сомнения как слабость и твердо решил продолжать, чтобы бы ни произошло. Канск же был интересным с исторической точки зрения местом. Когда в 1891 году Николай II начал строить Транссибирскую магистраль, этот город должен был стать конечной станцией ветки Аляска-Сибирь. Дорогу из Канска планировали протянуть на Камчатку и далее через тоннель под Беринговым проливом на Аляску, где слить с Канадской транс-континентальной системой.

Ко времени моего прибытия вся область лежала в жутких руинах вследствие жестоких боев с красными. Белые, взявшие верх с помощью союзников, сожгли всё дотла и вырезали большую часть населения¹⁵.

Множество деревень было стерто с лица земли и распаханно так, что не осталось и следа от некогда процветающего поселения. Я мог понять ярость бывшего правящего класса, но не мог поверить в действенность таких методов возрождения страны после падения монархии. Я чувствовал, что белые предают Россию во имя своих эгоистичных классовых интересов.

В Тюмени я пытался найти еще одного своего однокашника. Найти не смог, но зато узнал историю его трагической гибели. Всего двадцати лет от роду, он отправился в Омск и начал выпускать большевистскую газету в самом сердце столицы Колчака. Газета пользовалась популярностью, а сам он долгое время удачно избегал ареста. Но однажды его все-таки схватили и повесили. Бедняга, он был одним из лучших по китайскому языку в консульской школе во Владивостоке. Я запомнил его по умным и дотошным спорам с нашим профессором, также большим специалистом в этом вопросе.

Наконец я достиг Омска. Город был настолько наводнен приезжими, что я с трудом нашел кого-то, кто мог показать мне, где находится комендатура. Никто не знал города. Гостиницы были переполнены, и первую ночь я провел, сидя в вокзальном ресторане. На следующий день мне не удалось получить назначение в артиллерийскую часть и, не желая провести еще одну ночь на барном стуле, я направился к темному закутку под лестницей, ведущей в ресторан. Для получения там места необходимо было заплатить владельцу вчетверо выше стоимости номера в самом дорогом отеле. Моя кровать состояла из нескольких пустых ящиков, на которые я кинул шинель, а подушкой служили седельные сумки. В этой роскоши я прожил неделю, и наконец в отчаянии доложил коменданту, что дезертирую на восток, если мой вопрос не решится немедленно. И в тот же день я был назначен во 2-й артиллерийский полк Отдельной Егерской бригады.¹⁶

¹⁵ Документами не подтверждается.

¹⁶ Такой бригады в белых войсках не было. Установить, какую часть имеет в виду автор, не удалось.

Выходя из штаба в приподнятом настроении, я наткнулся на генерала Нокса. Этот английский офицер был правой рукой Колчака, однако сам он себя считал не просто военным, а ведущей фигурой во всем Белом Движении.

Я отправился в свой полк, находившийся в деревне Александровка, в десяти верстах от Омска. Поездка была приятной. Мы ехали с длинным караваном саней, утро было солнечным, и меня тянуло поговорить. Но крестьяне, сидевшие в санях, были в мрачном настроении. Они едва отвечали на мои замечания; однако, как только узнали, что я также не испытываю энтузиазма относительно омской власти, потеплели и начали жаловаться. Военные реквизировали у них весь хлеб, овес, ячмень и лошадей, давая взамен либо ничего не стоявшие рубли, либо, чаще всего, просто расписки. Сыновей мобилизовали и отправили на фронт, и чем всё это закончится, непонятно.

– Генералы хотят вернуть свои имения, – ворчали они. – Не будет никакого Учредительного Собрания. Колчак ничем не лучше красных. – И качали головами снова: – Генералы хотят всем владеть, как раньше.

Я чувствовал, что на эти справедливые слова мне возразить нечего, и вскоре сам помрачнел, как и мои возничие. В сердце мое закрадывались сомнения, и вера в белых вождей начинала слабеть.

В Александровке я узнал, что над столицей белых нависла опасность. Однако в тот момент у меня было гораздо более важное дело, занимавшее меня полностью: посвящение в новый полк. Военная традиция требовала, чтобы каждый новичок прошел через самое жесткое обращение. Но поскольку жизнь сама стала невероятно жесткой, мои сослуживцы не смогли придумать ничего лучшего, чем выдать мне дикую, необъезженную лошадь, лягавшую и скидывавшую всех своих седоков. Пришлось изрядно попотеть, пытаясь объездить ее, и, думаю, мне бы это удалось, не сломай она ногу во время одного из прыжков. Я был вынужден пристрелить ее.

Я мало интересовался жизнью полка, настолько велики были неопределенность и разочарование, охватившие меня тогда. Наш полковник, чью немецкую фамилию я позабыл, был суровым воякой. Он не знал жалости и в отношении противника всегда действовал самым жестоким из возможных способов. Он любил хвастаться своим участием в Канской экспедиции и жалел, что другого случая повторить такой славный успех не представлялось. У него была занятная чаша для питья из гладкой кости, богато отделанная серебром. Один из однополчан рассказал мне ее историю:

– Однажды мы встретили сильное сопротивление в большом селе, называвшемся Дубрава. Бой длился трое суток без перерыва. Наконец противник израсходовал боеприпасы и сдался. Мы расстреляли всех красных, заставив их самих копать себе могилы. Крестьян, хоронивших тела, также потом казнили. Командир красных был обезглавлен, а старосту деревни заставили отнести его окровавленную голову к себе домой и варить в котле. Не выдержав этого, он сошел с ума, и его пришлось застрелить. Продолжить работу привели его помощника, но тот оказался ненамного крепче и также получил свою пулю. Люди сменяли один другого, и наконец череп был сварен и очищен, а из его верхней части сделали эту чашу.

Я слышал и другие истории в течение этой ужасной недели в Александровке. А затем тщательно выстроенная союзниками вокруг русских генералов структура рухнула, и каждый бросился спасать свою жизнь.

3

В то утро шел снег. Бесконечный танец мягких белых кристалликов закрывал тонкой вуалью видимость на самом близком расстоянии. Зачарованный лес стоял в тихом безмолвии, и деревня мирно погрузилась в сон.

В нашей избе было тепло и уютно, но внезапно зазвучал сигнал тревоги, и через мгновение батареи открыли огонь. Красные перешли в наступление по льду замерзшего Иртыша. Мы схватили шинели и выбежали наружу. Впереди виднелись черные цепи противника, двигавшиеся по открытому пространству реки. В некоторых местах лед ломался, затягивая людей в гибельные воды. Течение как будто смеялось над их отчаянными попытками выбраться и быстро затягивало под лед. Разрывы снарядов поднимали вверх куски тел и бросали на тех, кто продолжал упорно пытаться добежать до противоположного берега. Застигнутый врасплох огнем нашей артиллерии, противник выдохся и спешно отступил в лес.

Тем временем обоз выстроился в длинный караван и стал отступать, так как пришло донесение, что это начало долго ожидавшегося большого наступления красных. Наш правый фланг был прорван, и мы получили приказ погрузить орудия на сани и оставить деревню.

Медленно и с великой осторожностью мы покинули позиции. Я со своей пулеметной ротой уходил последним. Снег шел, не переставая, и деревня вскоре скрылась из вида. Однако мы были не одни на этой прекрасной равнине. Враг был совсем рядом. Он мог быть где угодно, укрытый пеленой снегопада, падавшего с такой изматывающей нервы монотонностью, что скоро я стал его ненавидеть.

«Когда же прекратится снег!» – снова и снова крутилось в моем мозгу.

Противник сильно нажимал на нас, и я стал терять людей, которые предпочитали быть застреленными, нежели принять жуткую смерть от рук жаждавших мести красных. Метель усиливалась, и мы крутились вокруг Омска, потеряв всякую связь с вышестоящим командованием. Вскоре началась настоящая пурга, и я приказал людям сбиться плотнее. Раненые задерживали нас, но нам удалось догнать обоз нашего отступающего полка. Мы были уверены, что противник не станет наступать в такую бурю, однако продолжали двигаться вперед. Впервые в жизни я осознал, что простой белый снег может быть самой жестокой из всех природных стихий. Он с дьявольской настойчивостью слепил нас, проникал во все открытые места одежды. Пронзительный холод пробирал до костей. Снег заметал дорогу, столь нужную для перевозки наших тяжелых орудий, и смешивал людей, пушки и лошадей в безумную и неуправляемую массу.

Мы медленно ползли до самого вечера, борясь за каждый шаг, причинявший нам столько страданий, пока не наткнулись на маленькую темную деревушку. Для нас это означало отдых. Но как только мы открыли первую же дверь, иллюзии рассеялись: деревня была занята красными. Схватки, вспыхнувшие в избах, выплеснулись на улицу. Мы дрались, как звери, в этом жалком месте, ибо были слишком измучены, чтобы отступить, и приходили в отчаяние от одной мысли о необходимости куда-то идти в такую бурю. Мы взяли верх благодаря большому превосходству в числе, и вскоре все красные были мертвы. Выбросив их тела из домов, мы облепили маленькую деревушку, как стая саранчи. Местные крестьяне, смертельно напуганные, сновали вокруг, стараясь угодить измотанной армии. Вскоре на столах появился обильный ужин, который был с жадностью проглочен. Не раздеваясь и не выпуская оружия из рук, мы провалились в полусон-полуступор.

Наступившее утро принесло невероятную тишину и спокойствие, характерные для девственно нетронутых мест. Свежий, глубокий снег покрывал всё вокруг. Невдалеке была березовая роща: на белых стволах ее покоился купол, словно из мягкого белоснежного хлопка.

Нашей главной задачей было оборудовать позиции для орудий и установить связь с командованием бригады в Омске. Красные, окружая столицу Колчака, прорвали фронт так, что отрезали нашу часть от остальной армии. Разведка донесла, что мы находимся в хорошей позиции для атаки противника с тыла, и мы начали немедленные приготовления. Орудия снова были поставлены на сани, и, ведомые несколькими крестьянами-проводниками, мы двинулись в сторону Омска. Когда мы прошли около пяти верст, наш авангард подал сигнал об опасности. Полк немедленно развернулся в боевую позицию и, затаив дыхание, ждал команды. Но, подготовив орудия к бою, мы получили приказ отступить. Прошлой ночью красные взяли Омск¹⁷, захватив сто десять единиц артиллерии, десять генералов и около сорока пяти тысяч пленных. Деморализованные войска сдались и бежали практически без боя. Колчаку удалось спастись под прикрытием польских частей.

Двигаться вперед казалось бессмысленным. Штабы были уничтожены, и жалкие остатки некогда мощной части превратились в сборище разрозненных одиночных групп, ведущих отчаянную борьбу за жизнь.

Как и все, мы развернулись и побежали на восток. По счастью, красные были слишком заняты празднованием своей победы в Омске и дали нам передышку. Мы решили отступить так далеко, как только возможно, соединиться с остатками рассеянных белых частей, восстановить фронт и начать новое наступление.

Как жестоко мы заблуждались! Наши вожди, русские и иностранные, дрались за места в уходящих составах. Английский генерал получил телеграмму от большевиков с благодарностью королю Георгу за сотни тысяч комплектов «шикарной формы», оставшихся на складах в Омске. Поляки же, смертельно боявшиеся красных, вскоре попросили Колчака оставить их.

Чехословаки везли с собой множество военных трофеев, от схваченных случайно русских женщин до русской мебели, поэтому очень торопились поскорее попасть в Китай. Однако к моменту, когда они добрались до Иркутска, их пленение стало уже неизбежным. Во время спешных переговоров с представителями большевиков был найден выход. Им разрешат следовать дальше только при одном условии – если они выдадут Колчака красным. И, посоветовавшись с французским генералом Жаненом, чехи сдали им Колчака.

Красные собрали расстрельную команду и вырезали во льду реки большую прорубь, на край которой и был поставлен Колчак. Как старший по званию офицер, он попросил себе право самому командовать расстрелом, и его просьбу удовлетворили. Он обратился к стоявшим перед ним людям и стал отдавать обычные в таких случаях команды спокойным, но усталым голосом.

– Готовсь... Целься... ПЛИ!

Тело упало упало в прорубь, и бурное течение Ангары понесло его к Арктике. Когда весть о гибели адмирала дошла до нас, я попытался вспомнить, как он выглядел, когда я видел его в последний раз. Усталый и разочарованный, бледный и худой от переутомления и бессонницы, полностью погруженный в свои мучительные мысли, он, казалось, уже не принадлежал этому миру. Должно быть, смерть стала для него долгожданным облегчением.

Для нас же, тех, кто остался и бежал, спасая свою жизнь, каждый день приносил новые бои и новые опасности. Мы сталкивались с разведывательными дозорами красных и с партизанами, клявшимися уничтожить нас до последнего солдата. И, зная об этом, мы не оставляли за собой никого живого. В те дни было только два пути: убивать или быть убитым – и мы дрались как черти, предпочитая, если не останется иного выхода, вышибить себе мозги, чем принять неизбежную лютую смерть в плену.

¹⁷ Омск был взят частями Красной Армии в ночь на 14 ноября 1919 года.

Много раз мы встречали тела наших пленных, свисающие призраками с придорожных деревьев. Они висели, как жуткое предупреждение, и голодные волки обгладывали их ноги. Каждую ночь мы с боем пробивались к какой-нибудь деревне и спали там одетыми, не выпуская заряженного оружия из рук. Однажды ночью всех офицеров нашей второй батареи изрубила на куски мясницкими тесаками небольшая группа напавших партизан. А несколько дней спустя к нам в руки попал большевистский комиссар, бывший офицер. Мы привязали его к столбу, мимо которого прошла вся часть. И каждый, проходя, бил его со всей силы по лицу. Он умер через пятнадцать минут. Другого пойманного комиссара запороли до смерти нагайками, жесткими армейскими плетками, рвавшими мясо с костей.

Однажды нам улыбнулась удача, и мы наткнулись на известного командира партизан, крестьянскую девушку по имени Дуня. Когда ее схватили, она смеялась нам в лицо. Мы подвели ее к братской могиле, где уже лежало множество ее людей. От увиденного она впала в истерику и бросилась в яму. Мы засыпали ее заживо землей.

Одну казнь я не смогу забыть никогда. Жертвой был старик из так называемого «Серебряного батальона», названного так за то, что он полностью состоял из седых уже мужиков. Он стоял прямо перед расстрельным взводом и смотрел на нас добрыми старческими глазами. Прежде чем прозвучала команда «Огонь!», он улыбнулся и заговорил, обращаясь к нам:

– Я стар, и мне пришло время умирать. Но я счастлив, что умираю именно сейчас, ибо почетно умереть за то, что считаешь правильным. Стреляйте в меня, ребята, и жалеете, что родились слишком поздно.

Однажды на марше лошади нашей третьей батареи внезапно понесли в панике. Нам стоило большого труда усмирить их. Причина их страха была очевидна. Батарея наткнулась на огромную груды замороженных трупов. Молодые и старые, они были в наручниках, скованные как каторжники. Все были изрублены шашками и заколоты штыками. История же была очень простой. После эвакуации Омска все арестованные из тюрем были уведены вслед за отступающими войсками. Но солдаты, устав возиться с заключенными, кормить и размещать их, просто убили всех.

В другой раз я заметил на горизонте странную цепочку из поездов длиной в несколько верст. Они были неестественно неподвижны, и только несколько темных фигур перемещалось вдоль составов. Мы отправили людей выяснить, что произошло. Головной локомотив израсходовал топливо и воду и заблокировал путь. Остальные подошли к нему и, пытаясь сдвинуть огромную массу с места, также остались без горючего; в конце концов все они примерзли к рельсам. Позже я узнал, что сорок пять тысяч мужчин, женщин и детей замерзли насмерть в этих жутких поездах.

Еще отчетливо помню случай с хрупкой женщиной и еще более тщедушной девушкой, тянувшими из последних сил маленькие сани с восседавшим в них здоровым мужчиной. Я уже был готов хлестнуть его плеткой, когда женщина вдруг взмолилась не причинять ему вреда. Это был ее муж с обмороженными ногами. Они пытались доставить его в какое-нибудь обитаемое место среди этой ужасной безлюдной пустыни.

Так мы бежали несколько недель, пока наконец не вырвались из цепких объятий смерти. Тогда мы снизили темп, устраивая отдых каждые два-три дня. Мы продолжали двигаться на восток, лелея надежду, что белые сумели где-то перегруппироваться. Но чуда не случилось. Генералы бросили нас на произвол судьбы, а союзники сплотились вокруг Семёнова, забыв, что всего несколько недель назад называли его грабителем и убийцей.

В один из дней мы сделали остановку, чтобы провести ревизию полка, и обнаружили, что наши потери в людях и лошадях были ужасающими. Всего в пятидесяти верстах к северу

находился Томск. Он по-прежнему был в руках белых, и командовал там генерал, имя которого я, по счастью, забыл¹⁸.

Он был одним из известных вождей, и бежал так быстро, что в минуту необходимости его никогда уже не было на месте. Было решено пополнить в Томске полк людьми и конским составом, и мне, как полковому адъютанту, поручили это задание, выделив отряд из пятидесяти человек с офицером и двести тысяч рублей. Мне сказали, что генерал будет способствовать выполнению моей миссии и выдаст остаток необходимой суммы. Я отбыл в то же утро – и больше уже никогда не видел свой полк.

Пятьдесят человек, выделенных мне, включали в себя комендантский взвод, в обязанности которого входило производство экзекуций. Командовавший им офицер был известен своей жестокостью, граничащей с садизмом. Он должен был объяснить новобранцам, что такое дисциплина. Во время остановки в первой же деревне он решил преподать урок одному молодому солдату. К его удивлению, я вмешался, и солдата оставили в покое. Тогда я еще не знал, что этот небольшой инцидент спасет наши жизни, так как отряд почувствовал расположение ко мне и не предал своих офицеров в критический момент.

К вечеру второго дня мы достигли деревни Красновка в четырех верстах от Томска. Я решил остаться здесь и отправиться в город утром. Атмосфера в деревне была необычной. Крестьяне казались не просто не напуганными, но недружелюбными и дерзкими. Мне подали чай в грубой грязной кружке, в то время как серебро в открытую стояло на полках. В другое время они не решились бы на такое оскорбление. Уже почти стемнело, когда я принял решение остаться в деревне до утра. Я приказал своим людям быть настороже и следить за оружием и лошадьми ночью.

Вскоре после ужина ко мне в избу пришел староста деревни и нерешительно заговорил вполголоса. Лицо его было очень серьезным. Это был худой, высохший коротышка, говорил он крайне почтительно.

– В городе неладно, ваше благородие. Солдаты ушли два дня назад, и теперь там всем заправляют отряды народной милиции. Покорнейше прошу вас, уходите как можно скорее на восток.

Я не поверил старику, и, взяв с собой двух человек, тут же поскакал в Томск. Город стоял совершенно темным, словно заброшенным. Вскоре, однако, я заметил небольшие группы людей, по три-четыре человека, хорошо вооруженных и в гражданской одежде, жавшихся к стенам домов. Мы повернулись и поскакали обратно в Красновку. Все были уже готовы, и отряд немедленно покинул деревню, отправившись снова в сторону Томска. Мы должны были пройти через весь город, чтобы выйти к главной дороге, так как обогнуть его по глубокому снегу было невозможно.

Отряд ехал через сосновый лес. Ночь была полна ярких, сияющих звезд. Снег скрипел под копытами наших лошадей. Никто не разговаривал, каждый был наедине со своими мыслями. Мы выехали из тихого убежища леса и стали спускаться в длинную долину. Внезапно два человека на изысканных городских санях выскочили из небольшой рощи впереди. Их поджарый сибирский рысак неся с удивительной быстротой. Через мгновение они уже растворились в ночи. Наши выстрелы звучали бессмысленно, как если бы мы пытались остановить привидение.

Когда мы достигли пригородов Томска, дорогу нам преградил молодой человек в студенческой форме из отряда городских дружинников. Далее последовал короткий разговор, отказ пропустить нас, лязг затвора, блеск клинка шашки – и путь был свободен. Мы хорошо понимали, что стрелять нельзя, так как звуки выстрелов поднимут тревогу. Вскоре мы

¹⁸ Обороной Томска командовал генерал А. Н. Пепеляев, оставивший город 20 декабря 1919 г.

наткнулись на еще один отряд милиции, с которым снова разделались шашками, так быстро, что никто из них не успел сделать ни единого выстрела. Теперь мы шли пешком, ведя лошадей сзади. Мы крались по улицам, выискивая темные переулки и боковые аллеи. Через пару часов нам удалось добраться до противоположного конца города. Внезапно громкий окрик остановил нас, и голос сообщил, что мы окружены пулеметами, которые откроют огонь, если мы двинемся с места. Вперед вышел человек и, оглядев нас с почтительного расстояния, сказал:

– Вам необходимо доложить о себе коменданту.

Услышав слово «комендант», я решил, что перед нами белые; красные сказали бы «комиссар». Мы были счастливы наконец найти своих и сдались без колебаний. Наш провожатый доставил нас в дом с величественным названием «Дворец науки», где располагалась комендатура. Огромный особняк был ярко освещен внутри и до отказа забит военными. Повсюду сновали солдаты в белогвардейской форме. Когда мы поднялись на второй этаж, то наконец поняли свою ошибку. Вход охранялся пулеметами, за которыми лежали красноармейцы. Мы оказались в ловушке.

Нас тут же окружили и отобрали оружие. Командир красных выступил вперед и спросил, есть ли среди нас офицеры. Я вдруг почувствовал, будто проваливаюсь в бездонную яму. Холодок пробежал по спине, а во рту появился резкий привкус страха. Я схватил стоявшего рядом солдата за руку. Это оказался тот самый новобранец, которого я спас от наказания. Он на секунду взглянул в моё лицо, побледнел и ответил:

– Нет у нас офицеров. Сбежали они в темноте, а нас бросили.

Остальные присоединились к нему и дружным криком стали проклинать трусливых «офицеров», дезертировавших в ночи. Уловка сработала, ведь перед тем, как войти в город, я избежался от погон, и все мы теперь выглядели одинаково.

В городе было несколько юнкерских училищ, и юнкера продолжали сопротивление красным. Немного спустя мы слышали крики атакующих. Красные открыли огонь из здания. Но атака развивалась успешно, и наши конвоиры стали срывать свои знаки отличия, чтобы притвориться такими же пленными, как и мы.

Увидев, что настал благоприятный момент, мы переглянулись – и через секунду мои люди уже крушили головы охраны всем, что попало под руку. Я пробился к пулемету и открыл стрельбу в самую гущу красных. Они бежали, а мы, разбив окна, выпрыгнули наружу. Мягкий глубокий снег не дал нам переломать ноги. Мы побежали по улицам, пытаясь найти атаковавших белых, но они потерпели неудачу и отступили в неизвестном направлении.

Я нашел примерно тридцать пять человек из остатков моего отряда. Мы потеряли всех лошадей и едва имели оружие для защиты. Положение было отчаянным. Для начала необходимо было где-то укрыться. Мы выбили дверь небольшой церквушки и вошли в натопленное помещение. Рассевшись на полу, мы устроили совет. Прежде всего люди подтвердили готовность и дальше следовать моим приказам. Никто не знал города, и я приказал всем лечь спать, оставив принятие решений на утро.

Утро, однако, не принесло облегчения. Город был в руках большевиков, и никто не мог ни войти, ни выйти из него без пропуска. Ускользнуть ночью также не представлялось возможным, так как у нас почти совсем не было патронов; такой план был бы самоубийством. Но деньги у нас были, и вскоре мы разжились продуктами и обменяли форму на поношенную гражданскую одежду. Я купил сани и несколько старых извозчичьих лошадей, а людям приказал ходить по округе на случай, если кто-нибудь еще из наших солдат остался в городе. Они должны были притвориться крестьянами, у которых реквизировали повозки и которые ищут способ вернуться домой. Я тоже сделался извозчиком и каждую ночь наведывался в

церковь, узнать, скольким из моих людей удалось уйти. Я собирался покинуть город последним.

В один из дней, пока я дожидался пассажиров, ко мне подошел милиционер и указал, что я должен получить новую лицензию – «красную», значительно подчеркнул он. Я отправился в участок. Там внимательно изучили меня и уже готовы были выдать разрешение на работу, как вдруг один из милиционеров потребовал показать ему мои руки.

– Нет, товарищи, – сказал он многозначительно, – этот человек никогда не был и не будет извозчиком. Посмотрите на его руки, они слишком чистые и без мозолей. Ты кто вообще такой?

Мне пришлось сказать им, что я студент-медик и пытаюсь таким образом заработать себе на жизнь.

– Если ты доктор, отправляйся в госпиталь. Там полно раненых после боев, и им не хватает людей.

Они дали мне провожатого, который отвел меня в главную городскую больницу. Как любой образованный человек, я, конечно, имел некоторое представление о медицине, о касторовом масле, йоде, карболке и прочих вещах, используемых в больницах. Кроме того, в армии всех обучали оказанию первой помощи. Так что я сумел не ударить в грязь лицом на собеседовании с красными.

В те бурные годы в Сибири свирепствовала жуткая эпидемия тифа, и большевики создавали бесчисленные группы «первой помощи». Их рассылали повсюду, даже в самые отдаленные уголки для проведения тщательной дезинфекции. Для этой работы требовались люди, знакомые с основами санобработки и не боящиеся заразиться сами.

Я решил, что чем быстрее я скроюсь с глаз больничного начальства, тем больше шансов, что большевики не раскроют мою личность. Я заявил, что знаком с дезинфекцией. Начальство, естественно, с радостью приняло мои услуги, и меня тут же назначили старшим новой группы санитарных работников.

У нас был огромный немецкий фумигатор, уничтожавший микробы на одежде с помощью паров формалина. Этот аппарат полностью занимал целые сани. Вторые сани были нагружены запасом карболки, серы, уксусной кислоты, бумаги и клея, а также нашей рабочей одеждой и противогАЗами. Двое других саней везли личный состав, включавший меня и трёх красноармейцев. Наши запасы продуктов, однако, были настолько скудными, что я решил прикупить чего-нибудь еще, прежде чем мы покинем город. Я остановил такси, сказав водителю отвести меня на какой-нибудь рынок.

– И чем же ты собираешься заплатить мне? – спросил водитель язвительно.

– Деньгами, чем же еще, – ответил я, забираясь в автомобиль.

– Эй, не так быстро! Ты что, газет не читал? Деньги отменили. Больше нет богачей с кучей денег, которые могут жить не работая. Давай-ка вылезай из моей машины, пока не найдешь, чем заплатить таким, что мне нужно. – Водитель махнул рукой и медленно поехал дальше по улице.

Мои товарищи по команде также пребывали в унынии и пытались под разными предлогами сбежать, и только мои настойчивые обещания добыть еду удерживали их пока от этого шага. В качестве последнего аргумента я начал беззаботно есть свой хлеб. Поначалу они присоединились ко мне с сомнением, но «аппетит приходит во время еды», и вскоре всё переросло в обильный обед, покончивший с недельным запасом продуктов.

– А теперь за работу, – сказал я.

Мы запрягли лошадей, погрузились в сани и выехали из города, по пропускам и под защитой новых властей. Я был рад возможности отправиться в глубинку, во все эти малень-

кие деревушки, так как впервые получал возможность увидеть Сибирь и узнать жизнь ее обитателей¹⁹.

Поначалу, однако, я не слишком внимательно смотрел по сторонам, так как в Советской России голова каждого человека была занята исключительно мыслями о еде. Можно сказать, что политика большевиков по поддержанию населения в полуголодном состоянии имела большой успех. Она не только подавляла сопротивление, но и привносила нечто очень материальное во все повседневные разговоры и жизнь.

Вскоре мы прибыли в деревню, где уже установилась советская власть. Я предъявил свой мандат и попросил комиссара проводить меня в первую избу и объяснить крестьянам смысл дезинфекции. После этого я получил неограниченные полномочия входить в любой дом в деревне. Пока комиссар был со мной, я использовал азотную кислоту, которая не оставляет запаха. Как только он оставил нас, я вошел в следующий, добротный по виду дом. Там мы открыли пятигаллоновую емкость с карболкой, и немедленно ужасная вонь распространилась по избе.

Облив стены и потолок, мы ушли, оставив бедных обитателей растерянно взирать на то, что стало с их некогда уютным жилищем. Естественно, о нас тут же пошла молва. Именно дурной славы я и добивался.

Когда мы вошли в следующий дом на улице, хозяин просительно осведомился, не могли бы мы использовать тот второй, не пахнущий аппарат.

– Да, – ответил я значительно, – но это очень дорого, и мы не можем этого позволить. По инструкции мы должны использовать азотную кислоту, только если в доме есть заболевший, но это, кажется, не ваш случай.

– Но, может быть, уважаемый товарищ пойдет навстречу... мы конечно будем рады отблагодарить, если эта вторая – как вы ее называете?... Дюжина яиц, например, или немного масла... Пожалуйста, товарищ!

– Ну хорошо, давайте ваши яйца!

К концу этого исторического дня у нас был уже недельный запас отличных свежих продуктов. Соответственно этому росло и настроение нашей небольшой команды. Мои люди восторженно говорили, что я – самый ловкий из всех ловких начальников, когда-либо рождавшихся на свет.

Таким образом проблема добычи овса, сена, хлеба, мяса или масла решалась очень легко. Например, мы могли обработать чью-либо одежду в нашем огромном немецком аппарате так, что ее потом месяц нельзя было одеть из-за адского запаха формалина. В особых случаях мы могли даже сжечь половину одежды или использовать серные свечи. Для этих целей мы обычно просили местное начальство выделить нам баню. Мы были облечены властью и могли извлекать выгоду из наших медицинских средств самыми разными способами, и очень быстро затерроризировали население на сотни верст вокруг. Безусловно, это было цинично, но мы не видели другого способа избежать голода. Кроме того, у крестьян образовались излишки продуктов с тех пор, как им стало невыгодно поставлять их в города за ничего не стоившие советские деньги.

О наших успехах в борьбе с тифом я судить не могу, но за месяц мы израсходовали все запасы и вынуждены были вернуться в расположение 5-й бригады красных для их пополнения. Там нам вынесли благодарность за самоотверженный и преданный труд «во имя страдающего человечества».

Всю зиму мы путешествовали по отдаленным местам, заезжая в том числе и в знаменитые остроги, куда ссылали людей на пожизненное заключение в каторжные работы. Боль-

¹⁹ Странный пассаж автора, учитывая, что он уже проделал своим ходом путь около 1000 км из Омска в Томск с боями за каждую из тех самых маленьких деревушек.

шинство из них было освобождено большевиками, и только самые опасные преступники оставались за стенами. Освобожденные же обнаружили в себе характер настоящих первопроходцев. Они построили добротные дома, жили независимо и в относительном достатке. Мы также стали замечать, что в большинстве деревень жители теперь приветствовали дезинфекцию, увидев, что эпидемия уходит из тех мест, где побывали санитарные команды. Они уважали риск, с которым мы сталкивались в нашей работе, и уже охотнее делились продуктами и давали ночлег. О советской власти население отзывалось хорошо, в сравнении с белым террором предыдущих месяцев.

В окрестностях 5-й бригады было небольшое китайское поселение с китайским доктором, и штабу требовались люди, знавшие язык и способные быть переводчиками. Подумав, что за этим может стоять шанс отправиться в Китай вместе с какими-нибудь советскими представителями, я решил доложить о себе.

Была Пасха²⁰, и крестьяне, как и прежде, весело праздновали ее, не взирая на большевистский декрет, гласивший: «Религия есть опиум для народа и грязное орудие в руках правящего класса, используемое для подавления человеческих устремлений». Мы стояли в большом селе Островка, специально выбранном нами для этого дня. Живописная Ангара отделяла нас от другого селения, где располагался штаб бригады и куда я явился на следующий день.

За большим столом сидели командир, комиссар и другие начальники, среди которых я заметил главного хирурга. Мне указали на стул в конце стола. В комнату ввели китайцев. Все они были сильно напуганы, особенно доктор, которого обвиняли в занятии медициной без диплома, и обрадовались, как дети, когда я обратился к ним на их родном языке. Доктора подвергли строгому перекрестному допросу. После того как его аптека была обыскана и конфискована жадным старшим хирургом, всех китайцев отправили в местную тюрьму, где допрашивали еще в течение двух дней. На третий день они скромно заметили мне, что красные забыли их покормить. Мой страстный призыв к гуманности и справедливости для этих несчастных жертв «проклятого капитализма» был услышан, и китайцев наконец освободили.

– Скажи им, пусть возвращаются к своим огородам, – приказали мне. – Каждую неделю они должны отмечаться у местного комиссара. Кто не сделает этого, отправится обратно в тюрьму.

Никто не позвал меня в Китай после суда, и, разочарованный, я вернулся к своей карболке. Мои люди ждали меня с нетерпением и стали торопить отправляться в новую экспедицию, пока меня снова не вызвали на очередное дознание. Пасха прошла, мы снова сидели на стандартном военном пайке, и экспедиция представлялась жизненно необходимой. Дружно мы пришли к выводу, что нет в мире ничего хуже пайковых норм.

Пока мы пили по последней чашке чая перед отправкой, каптенармус принес большой пакет, сказав, что скоро вернется с запасами медикаментов. Когда он ушел, мы вскрыли конверт и обнаружили внутри большую красную звезду с черной обшивкой и три маленьких красных квадрата. Мы тут же прилепили звезду на наш фумигатор и стали спорить относительно квадратов. Так как на одного из нас знаков отличия не хватало, мы отрезали кусочек от звезды. Вскоре вернулся каптенармус. Он посмотрел на звезду, затем злобно и с отвращением на нас, и, плюнув на пол, выдал поток ругательств. В конце концов я понял, что все эти красные нашивки предназначались мне. Это были знаки отличия майора²¹, звание которого мне присвоили этой ночью.

²⁰ В 1920 году Пасха выпадала на 11 апреля.

²¹ В Красной Армии образца 1920 года не было званий. Нарукавные нашивки в виде звезды с тремя квадратами соответствовали должности командира батальона, которую автор на привычный ему манер белой армии приравнял к чину майора.

– Так откуда мне было знать? – невинно развел я руками. – Кроме того, что мне делать с этим «майорством»? У нас полно забот с карболкой.

Не ответив, каптенармус швырнул мне новую форму и уже, стоя в дверях, сказал:

– Завтра явишься в штаб, если не хочешь, чтобы тебя отдали под трибунал и расстреляли.

Мы горячо обсудили это назначение, и мои товарищи посоветовали мне явиться-таки в штаб. Мы достали из наших запасов остатки плохой водки, быстро напились и уснули прямо за столом. Следующим утром мои веселые друзья покинули расположение бригады под предводительством моего помощника, а я остался в Островке в качестве красного командира.

4

Я был назначен помощником начальника разведотдела. В мои непосредственные обязанности входило составление обзоров на различные темы, касающиеся Востока в целом и Китая в частности²².

И поскольку никакой справочной литературы добыть в тех обстоятельствах было невозможно, мне приходилось писать всё из головы. Благо я всё еще помнил кое-что из курсов географии, истории и политэкономии, прослушанных мной в университете Владивостока до войны. Кроме того, то, что я всю свою жизнь жил и путешествовал на Востоке, помогало мне справляться с этой задачей.

Красные штабы я нашел спокойными, организованными и чистыми. Большинство командиров были бывшими офицерами императорской армии и имели значительное влияние на всё, что происходило в бригаде. Так называемые «красные» командиры, произведенные из нижних чинов, были явно на вторых ролях и, как правило, большевики не обращали много внимания на их горячие споры и хвастливые предложения. Политический комиссар со своим собственным советом из простых солдат, шоферов и санитаров отвечал за «революционное сознание» в бригаде. Он имел власть над жизнью и смертью каждого вокруг, и я понял, что эта власть и была причиной, почему бывшие офицеры были такими тихими и замкнутыми.

Прежде чем кого-нибудь из них могли назначить на какую-либо ответственную должность, тщательно изучалось его личное дело и делалась публикация в газете, чтобы каждый, кто имел возражения на этот счет, мог поделиться ими с комиссаром. И очень часто посредством таких публикаций солдаты сводили личные счеты с бывшими офицерами. Простой слух, совершенно абсурдный, никогда не подвергался проверке, и офицера могли внезапно арестовать и безо всяких объяснений бросить в тюрьму.

К собственному удивлению, я быстро нашел общий язык с красными. Это были простые натуры, большей частью неграмотные, с амбициями, но без представления, как их реализовать. Будучи любопытным, я вступал в расспросы по каждому поводу, и это заставило их думать, что я интересуюсь их жизнью и хочу понять новые методы великой социалистической республики. Я быстро подружился с помощником комиссара, научив его сначала подписываться своим именем, а затем читать и писать. Новое знание очень воодушевило его. Бедняга говорил, что я открыл ему глаза, и он наконец стал настоящим человеком.

В колчаковских войсках я пробыл недолго, и меня не успели внести в списки части. В течение долгих месяцев отступления с боями на восток никто не вел никакого учета или

²² В Красной Армии на Восточном фронте не было части, которую можно было бы идентифицировать как 5-ю бригаду. Да и составление обзоров о международной обстановке – это уровень не бригады, а скорее армии. Возможно имеется в виду штаб 5-й армии.

записей. Поэтому моя личность не была раскрыта, и имя мое было вне подозрений. Кроме того, глубокое знание Востока и относительно молодой возраст свидетельствовали о моей политической невинности. Я чувствовал себя в безопасности и действовал соответственно. Вскоре я стал пользоваться таким доверием, что новое начальство поручило мне сделать закупки для нужд бригады в Иркутске, находившемся в трехстах верстах от Новониколаевска²³, где мы дислоцировались в тот момент.

Упорство и изобретательность требовались тому, кто хотел найти подпольные товары в условиях запрета на свободную торговлю. Однако были люди, желавшие что-то продать, были те, кто хотел купить, и каким-то образом они тайно находили друг друга. Мне повезло найти и купить немного кожи, мыла, свечей, табака, канцелярии, гвоздей, подков и галантереи. Всё было аккуратно упаковано и доставлено в штаб, и никто не задавал никаких вопросов. Все были довольны, особенно комиссар, которому все эти покупки доставались бесплатно. Вскоре я стал штатным закупщиком бригады, к большому удовольствию моих новых друзей, меня самого и торговцев контрабандой.

Однажды, чувствуя усталость, я пошел прогуляться в городской парк Новониколаевска²⁴.

Парк располагался на холме, возвышавшемся над Енисеем²⁵, великой рекой, несущей свои воды тысячи километров к Ледовитому Океану. Здесь было тихо и мирно, и я мог наконец отдохнуть от нелегкой роли, что приходилось играть в штабе.

В тот день я заметил одинокую фигуру, сидевшую на моем обычном месте. Это была женщина в поношенном плаще и крестьянской косынке. Однако осанка и задумчивость на лице, с которой она смотрела на закат, выдавали ее принадлежность к классу так называемых «паразитов», к которому принадлежал и я сам. Когда я прошел мимо, она поймала мой взгляд с удивлением и беспокойством. Я почувствовал, что напугал ее, и мне вдруг пришло в голову, что мы уже встречались раньше. Быть может, очень, очень давно... Я с любопытством посмотрел назад. Женщина в потертом плаще быстро шла прочь. Я окликнул ее, и она, дрожа, остановилась. Побелевшими от страха губами она прошептала:

²³ Старое название Новосибирска до 1926 года. Расстояние от Новосибирска до Иркутска 1800 км.

²⁴ Через полтора года, 16 сентября 1921 г. в этом парке будет приведен в исполнение смертный приговор Р. Ф. Унгерну, которому еще предстоит сыграть роковую роль в судьбе автора.

²⁵ Новосибирск (Новониколаевск) стоит на Оби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.